

Г. В. ВЕРНАДСКИЙ

НАЧЕРТАНИЕ

РУССКОЙ ИСТОРИИ

Часть первая

С приложением

«Геополитических заметок по русской истории»

П. Н. Савицкого

Евразийское Книгоиздательство

1 9 2 7

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ К ПЕЧАТИ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ОПЫТ ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ

(V—XX вв.).

Copyright by Eurasia Verlag 1927.

Право перевода на иностранные языки сохранено

за автором.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книжка не представляет собою полного обзора русской истории, но, как обозначено и в заглавии ее, — лишь краткое начертание.

В этом первом выпуске „Начертания“ намечена только основная рамка внешних событий русской истории. Явления внутреннего развития русского народа и государства должны послужить предметом особой характеристики, составив вторую часть предлагаемого обзора.

Книжка предназначена в первую очередь для читателей мало знакомых с фактами русской истории; автор однако старался, насколько возможно, внести в свое изложение итоги новейшей научной работы и размышлений над русской историей как других исследователей, так и своих собственных.

События русской истории и политика отдельных ее деятелей рассматриваются на географическом фоне. С этой точки зрения большое значение в настоящем очерке должны были бы иметь географические карты, и их следовало приложить в изобилии; к сожалению, по техническим условиям издательства, пришлось ограничиться лишь тремя малого размера схемами.

В конце книги помещены краткие библиографические указания. Это не есть сколько-нибудь исчерпывающая библиография. Назначение этих указаний — направить работу читателя, который пожелает ближе ознакомиться с тем или иным вопросом, затронутым в настоящей книжке.

- а) Степень давления русской народности на окружающую среду,
- б) Степень сопротивления, которая была противопоставлена окружающей среде.

Нужно, следовательно, принимать во внимание не только внутреннее развитие самой русской народности, но также и внешнюю историческую среду (географическую, этническую, хозяйственную и пр.), где происходило развитие этой народности.

Географические рамки развития русской народности чрезвычайно широки. Эти рамки гораздо шире того, что называется „Европейской Россией“. Понятие „Европейской России“ есть искусственно созданное в XVIII—XIX вв. в европейской и русской исторической и географической науке понятие.

Понятие „Европейской России“ ни в один исторический момент не соответствовало действительному распространению русского племени.

„Россия“ в смысле территории русского племени никогда не совпадала с рамками „Европейской России“.

Наше историческое сознание свыклось с мыслью, что территория „Европейской России“ как бы самой природой (равнина в естественных границах) предназначена была для образования единого государства. Мысль эта однако в корне ошибочна уже потому, что „Европейская Россия“ естественных границ к востоку не имеет: географический характер „Европейской“ и сопредельной „Азиатской“ России один и тот же. По сю и по ту сторону Камня („Уральского хребта“) те же горизонтальные почвенно-ботанические зоны: тундра, лес, степь.¹⁾

Урал „благодаря своим орографическим и геологическим особенностям, не только не раз'единяет, а наоборот, теснейшим образом связывает“ Доуральскую и Зауральскую Россию.

Нет „естественных границ“ между „европейской“ и „азиатской“ Россией. Следовательно нет двух России, „европейской“ и „азиатской“. Есть только одна Россия „евразийская“ или Россия — Евразия.

Евразия и представляет собою ту наделенную естественными границами географическую область, которую в стихийном историческом процессе суждено было усвоить русскому народу.

¹⁾ См. о них ниже § 2.

**§ 2. Евразия, как географическая основа развития
русского народа.**

Под названием Евразии здесь имеется в виду не совокупность Европы и Азии, но именно Срединный Материк, как особый географический и исторический мир. Этот мир должен быть отделяем как от Европы, так и от Азии.¹

Географически этот мир может быть определен, как система великих низменностей-равнин (беломорско-кавказской, западно-сибирской и туркестанской).

В почвенно-ботаническом отношении можно разделить всё пространство Евразии на длинные полосы не в направлении градусов долготы (как несуществующая граница между Европой и Азией), а в направлении градусов широты.

Главнейшие из этих полос („зон“) суть следующие:

а) Безлесная тундра, тянущаяся вдоль побережья Ледовитого океана. Узкая на западе (Кольский п.), эта полоса расширяется к востоку.

б) Лесная зона (оставляю в стороне менее существенные подразделения лесной зоны на различные области хвойных и лиственных пород). Южная ее граница — от южных Карпат по линии прилизительно городов Киев, Казань, Тюмень, а оттуда — к Алтаю и вдоль северных границ монгольских степей и пустынь.

в) Степная зона (с черноземными и каштановыми почвами), к югу от границы лесов. (Между лесной и степной зоной различают еще обыкновенно „предстепье“ — дубовое в доуральской России, березовое в Сибири.) Леса в небольшом количестве лишь по долинам рек и балкам (степным оврагам).

г) Зона совершенно безлесных пустынь (арало-каспийских и монгольских). Подобно северной полосе тундры, эта полоса пустынь шире на востоке и сходит на нет к Западу.

Область тундры имеет небольшое значение для русской истории, как и для истории Евразии вообще.

Область пустынь играет большую роль в истории Евразии, в значительной мере обуславливая собою направление дви-

¹) Соответственно с этим, „Западная Европа“ всюду ниже называется просто „Европою“, а „южная“ и „юго-восточная“ Азия (Аравия, Персия, Индия, Китай) — просто Азией. — Весь Старый Свет — совокупность Европы, Евразии, Азии и северной Африки (Египет и пр.) — покрывается понятием Икумены (Оеситепе-икумени-Вселенная византийцев).

жений кочевых племен Евразии. Однако для истории русского народа область евразийских пустынь непосредственной роли почти не играет до XVIII века и собственно имеет значение лишь для истории XIX века.

Зато географической основой русской истории является соотношение лесной и степной полосы, борьба леса и степи.

В настоящее время между этими двумя зонами нет резкой границы с точки зрения хозяйства, особенно в России доуральской.

Одинаково, и в лесной и в степной зоне преобладающее значение имеет земледелие (по крайней мере в южной части лесной зоны).

В прежние времена лесная и степная зона наоборот резко разделялись в отношении хозяйственном. Лесная зона была первоначально областью охотников, степная — скотоводов.

Лесные племена, занимавшиеся охотой, должны были играть меньшую роль в истории Евразии уже благодаря своей меньшей численности (так как занятие охотой требует большей площади на каждого жителя, чем занятие скотоводством).

Таким образом первоначально скотоводческое хозяйство играло первенствующую роль в общей экономике Евразии.

Кочевые народы монголо-турецкого и отчасти иранского корня, занимавшиеся преимущественно скотоводством, и являлись поэтому главными деятелями Евразии до образования русского государства.

Земледелие в хозяйственной истории Евразии вдвигалось клином между лесом и степью. (Совершенно особо стояла южная окраина Евразии — Хорезмская область — один из древнейших на земле центров культуры хлебных злаков.)

Русский народ выступает в истории Евразии преимущественным носителем земледельческой культуры. Не надо забывать однако, что хозяйственно освоить территорию Евразии русский народ мог лишь потому, что наряду с земледелием, он всегда занимался посредничеством между лесными промыслами и степным скотоводством.

Русский народ — не только народ-пахарь, он также лесопромышленник и скотовод, и народ посредник между разными хозяйственно-природными областями, народ-торговец.

Именно вследствие этой торговой роли русского народа, в его исторической жизни такое значение имели торговые пути

и прежде всего — естественные пути, объединяющие лес и степь — т. е. великие реки с их притоками, Волга, Днепр, а впоследствии также Обь с Иртышем, Енисей, Лена, Амур и др.

Географические особенности Евразии во многом предопределили ход исторического развития русского народа.

§ 3. Евразия, как месторазвитие.

Под месторазвитием человеческих обществ мы понимаем определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общезжития, развивающиеся в этой среде.

Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга. В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ различная совокупность социально-исторических и географических признаков образуют различные месторазвития в пределах одной и той же географической территории.

Таким образом может быть установлена система сменяющихся типов месторазвитий. В русской истории можно наблюдать различные типы больших и меньших месторазвитий. Цельным месторазвитием являлась каспийско-черноморская степь, далее речные области — объединения леса и степи (Днепровско-Киевская, Волжско-Болгарская). Большим месторазвитием является вся Евразия, как цельный географический мир.

Именно в рамках этого мира могли образовываться такие крупные социальные единицы, как скифская, гуннская или монгольская империя, а позже Империя Российская.

В процессе образования Российской Империи русское племя не только воспользовалось географическими предпосылками евразийского месторазвития, но в значительной степени создало себе для будущего Евразию, как единое целое, приспособив к себе географические, хозяйственные и этнические условия Евразии.

История распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию — Евразии, а также и приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа.

Сама природа Евразии в наше время есть природа в значительной мере переработанная русским народом в своих хозяйственных нуждах.

Природа Евразии в XIII в. и природа ее в наше время — два разнствующах друг от друга лика.

Под влиянием человека исчезает тайга, превращаясь в лес и пашню; почти исчезли леса средней полосы, девственная степь русского юга почти вся распахана.

Природа северной России до XIV—XVI в. в. и природа южных степей того же времени — два совершенно различные хозяйственные мира, требующие совершенно различных приемов хозяйственной эксплуатации.

В наши дни — в основе единообразны хозяйственные лики севера и юга России (земледельческая стихия).¹

Во многом это единообразие хозяйственного лика новой России достигнуто ценой истощения природных богатств (неразумная вырубка леса, истребление пушных зверей в лесах, рыбы в реках и речках и т. д.).

Но не в разрушении только, а также и в творчестве сказалась объединяющая деятельность русского народа. По всему пространству Евразии установлены новые виды промыслов и торговли, используются недра земли, раскинулась широкая сеть железных и других дорог.

Производительные силы России-Евразии изучены и использованы далеко еще не в полной мере,² но частично все же использованы и изучены.

В итоге создана новая цельная и единая в хозяйственном и культурном смысле страна света — Евразия.

Русский народ не только применился к своему месторазвитию, но в большой степени и сам создал это свое месторазвитие.

Значительно изменился в процессе исторического развития лик Евразии также со стороны этнической.

Евразия представляет собою в настоящее время, с точки зрения этнической, сожительство разных народностей — русской,

¹) Различия между условиями земледельческого хозяйства в лесной зоне и условиями земледельческой деятельности в степи уясняются только при более детальном рассмотрении. Все же различия эти до сих пор сохраняют значение, и потому также и в современности существенно разделение земледельческих областей на лесную и степную зону.

²) Тем больше возможностей открыто для будущего.

монгольской, турецкой, финской, манчжурской и многих других, играющих меньшую роль.

Основными этническими элементами Евразии в настоящее время, являются элемент Русский, с одной стороны, и монголо-турецкий с другой. Преобладающее значение принадлежит первому, уже в силу простого количественного соотношения этих элементов.

Число людей Русского племени Евразии достигает вероятно в настоящее время 140 миллионов, число людей турецко-монгольского племени в пределах Евразии вряд ли доходит до 25 миллионов.¹

Нынешнее соотношение народностей не есть однако неизменное для всех периодов русской истории. В средние века русской истории соотношение было другое.

Для XIII в. мы можем считать приблизительно количество людей турецко-монгольского племени в пределах Евразии около 7 миллионов,² число же людей русского племени едва ли превосходило 10 миллионов. В более ранние времена положение было опять иное. Важную роль в этнической жизни Евразии вообще, а Евразии западной в частности, играли народы иранского корня, известные под классическими именами скифов и сарматов.

Наоборот, русское племя до VI в. совсем не проявляло себя в жизни Евразии, по крайней мере, не проявляло себя как определенное и самостоятельное целое.

В течение всего исторического развития русского народа мы не видим сколько-нибудь строгой этнической его замкнутости. Русский народ обладает удивительной способностью впитывать в себя чуждые этнические элементы и их усваивать.

Поэтому с чисто расовой точки зрения русская народность IX и та же народность XX века существенно отличаются друг от друга. Славянская этническая основа русского народа, в которую введено было значительное количество иранской (скифской), а позже — немного варяжской крови, была затем в течение долгого исторического процесса дополнена этническими элементами монголо-турецкими и финскими (а также конечно и другими, имевшими однако меньшее значение).

¹) В том числе собственно монголов до 3 миллионов.

²) В том числе собственно монголов менее 1 миллиона.

§ 4. История России и история Евразии.

В течение длинного ряда веков русский народ стремился освоить себе все пространство Евразии.

От Карпатско-Черноморского (крайнего западного) угла Евразии русский народ стихийно стремился на восток, против солнца. В середине XVII в. поток русской колонизации дошел до Тихого Океана, а в середине XIX в. — до Тянь-Шаня. В этом движении русский народ обнаружил удивительную настойчивость, упорство и твердость.¹

Глубока основа побуждений, вызывавших непрерывное поступательное движение русского племени на восток. Это не „империализм“ и не следствие мелкого политического честолюбия отдельных русских государственных деятелей. Это — неустрашимая внутренняя логика „месторазвития“.²

История русского народа с этой точки зрения есть история постепенного освоения Евразии русским народом. История России должна быть рассматриваема в свете истории Евразии, и только под этим углом зрения может быть должным образом понято все своеобразие русского исторического процесса. Но вместе с тем русская история до конца XIX в. далеко не совпадает с историей Евразии. Лишь с последней четверти XIX в. история России есть в сущности история Евразии.³

До последней четверти XIX в. (а в особенности в XVIII в.) история России совершенно не охватывает собой историю Евразии.

Охватить историю Евразии — есть задача нынешнего дня русской исторической науки. Задачу эту нужно ставить и нужно решить именно в виду тесной связи (а ныне и полного совпадения) русского и евразийского исторического развития.

¹) Не менее замечательна и та стойкость, с которой отстаивал русский народ от X в. до XX-го свою западную границу — Карпаты — от яростного натиска западных соседей.

²) Давая подобную характеристику общих черт исторического русского колонизационного процесса, нельзя, конечно, отрицать проявления в отдельных фактах и легкомысленного авантюризма. По большей части, однако, этот авантюризм проявлялся лишь в тех случаях, когда русские деятели отступали от программы самодовления Евразии (некоторые войны XVIII—XIX вв., „руссификаторская“ деятельность в Варшаве, „империализм“ на Дальнем Востоке начала XX в.).

³) В монгольский период история Руси есть лишь часть истории Евразии.

Евразия есть с конца XIX в. область действия русского исторического процесса, русское историческое месторазвитие. Русская историческая наука должна овладеть историей этого месторазвития также и в более ранних эпохах (в течение которых Россия еще не охватывала целиком географической Евразии) — для того, чтобы правильно понять развертывание русского исторического процесса.¹

§ 5. Создание Евразийского Государства.

Вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства. Попытки эти шли с разных сторон — с востока и запада Евразии. К одной цели клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-русов. Славяно-русы осилили в этой исторической борьбе.

Весь длинный процесс этой борьбы может быть разделен на различные фазы.

Исходная для нас фаза — скифский период. Около V в. до Р. Х. скифское государство объединяет Западную Евразию. Скифы держат степи северного Черноморья, но захватывают и лесную полосу, во всяком случае речные выходы из леса в степь.

Скифское государство отчасти унаследовано, отчасти разбито сарматами. В дальнейшем часть скифского государства собрана готами. Готы сменяет новое государственное образование обще-евразийского масштаба — гуннская империя IV—V вв. После распада гуннской державы на территории ее образуются державы Аварская (от Адриатического моря до Днепра), Хазарская (Днепр — Аральское море), „западных турок“ (к востоку от Аральского моря).²

В дальнейшем, на нижнем Дунае возникает болгарское царство, от Дуная до Каспийского моря — мимолетная славяно-русская империя Святослава, на средней Волге и Каме — царство камских болгар.

Следующая ступень — распадение лесно-степной (киево-чер-

¹) Настоящий обзор есть обзор только русской истории с просеками в глушь истории Евразии. Автор настоящего обзора не отказывается, однако, от задачи дать в ближайшее время и обзор истории Евразии.

²) „Ту-кю“ китайских источников. „Западными“ эти турки являются с точки зрения общего географического размещения монголо-турецких племен.

В ответ на дворянские притязания Сената, в обстановке значительного политического возбуждения в русском обществе, Александр I повторил шахматный ход своей бабки.

20 февраля 1803 г., официально по инициативе гр. С. П. Румянцева, издан был указ о „свободных хлебопашцах“. Этим указом предусматривался отпуск на волю крестьян с землей (впрочем, только по собственному желанию помещиков).

Практически действие указа было невелико. Но указ имел громадное принципиальное значение. „Белой грамоте“ дворянства (жалованная грамота 1785 г.) противопоставлялся теперь призыв „красной грамоты“ (освобождения крепостных с землей).

Дворянство уступило — Александр I на этот раз выиграл политическую игру.

Другой тревожный момент — нашествие Наполеона в 1812 г.

В дворянских кругах русского общества существовали значительные опасения того, что Наполеон будет бить не только воинским оружием, но также оружием социальной пропаганды, пользуясь горючим материалом крепостного права. В русском обществе ходили определенные слухи и предположения об отмене Наполеоном крепостного права в России. Однако, Наполеон проявил сравнительно очень мало интереса к этой стороне дела, полагая главную силу свою в правильной войне. Между тем, как раз ведение правильной войны с Россией представляло для Наполеона почти непреодолимые технические трудности. В руководящих русских кругах задолго был предусмотрен план „скифской войны“, т. е. отступления вглубь страны с целью использования русского пространства.¹

Организация социальной революции в России — была единственным шансом успеха для Наполеона при этой „скифской“ системе войны. Занятие Москвы Наполеоном могло бы иметь значение лишь для создания центра русской социальной революции. Наполеон, однако, не захотел или не сумел организовать русскую социальную революцию.²

Устранение Наполеона снимало угрозу социальной революции в России. Выдвинулся опять призрак политической (дворянской) революции (тайные общества, декабристы).

¹) Из русских деятелей особенными приверженцами такого плана войны были адмирал Мордвинов и генерал Барклай-де-Толли.

²) К тому же в тогдашнем русском обществе не было готовых руководителей социальной революции, какие в наши дни нашлись в лице Ленина и коммунистической партии.

Дворянский бунт декабристов заставил Николая I возбудить крестьянский вопрос сверху (секретные комитеты; указ об обязанных крестьянах 1842 г., устройство быта казенных крестьян и пр.).

Крестьянский вопрос решен был 19 февраля 1861 г., но решение это было половинчато. Крестьяне получили свободу от власти помещиков, но не получили гражданского полноправия (были прикреплены к общине, взамен прикрепления к помещику).

После 1861 г. в совершенно новой политической обстановке, при новом взаимоотношении различных слоев общества, правительственная власть продолжала придерживаться прежней тактики — лавирования между всеми, чтобы никого не допустить к политическому властвованию.

Старые приемы уже не соответствовали, однако, новой обстановке. Дворянство было ослаблено и политически разбито, а вместе с ним разбита была и сама правительственная власть.

Российское Императорское правительство сохраняло после того в течение нескольких десятилетий аппарат власти, но социальная и политическая основа под ним быстро исчезала. Дворянство, руководящее сословие русского государства начала XVIII в., превратилось к началу XX века в сословие, политически бессильное. Власть разрушила прежний правящий слой и не сумела создать взамен нового.

Г Л А В А XV.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ XVIII—XX В. В.

Черты внешней политики и территориального расширения.

§ 106. Общий характер русской внешней политики XVIII—XX в. в.

При Петре Российская Империя вошла в более тесные соприкосновения с европейскими государствами, чем это было раньше в Московское время (особенно до половины XVII в.). Сам Петр умел разбираться в новых взаимоотношениях и направлять их в своих целях. Но после Петра русская политика запуталась во взаимоотношениях с различными европейскими державами (Францией, Римско-Германской Империей). Россия

была постепенно втянута в дипломатическую игру этих держав, при чем из игрока делалась часто игрушкой. Почти два столетия после Петра русская дипломатия обращала внимание преимущественно на политику европейских держав. Этому способствовал и личный состав русского дипломатического корпуса, в котором чувствовалось решительное преобладание европейцев, сперва немцев, затем также французов, итальянцев и др. Переполнение нашего дипломатического корпуса иностранцами стало особенно заметно при Александре I, когда русской дипломатией руководили сперва поляк (Чарторийский), а потом немец (правда обрусевший — Нессельроде). Апогея достигло это явление (как это ни странно на первый взгляд) при Николае I, когда чуть ли не $\frac{4}{5}$ наших дипломатов не были коренными русскими людьми, но или слегка обрусевшими или даже вовсе не обрусевшими иностранцами. Со времени Николая I явление это шло постепенно на убыль, но оно оставило неизгладимые навыки и традиции в русской дипломатической практике. Русская дипломатия искусно разбиралась в тонкостях дипломатических отношений между европейскими державами, но часто бывала совершенно неосведомлена в отношении Востока.¹ Если Россия могла вести хоть более или менее удачную и правильную политику на Востоке, то этим она обязана главным образом не профессиональным дипломатам, а администраторам (Татищев, Кириллов, Неплюев — в XVIII в.; гр. Муравьев-Амурский и др. в XIX в.) и военным (Потемкин и др. в XVIII в., Ермолов, Муравьев-Карский, Кауфман-Туркестанский и др. в XIX в.).

Среди руководителей русской дипломатии за последние два века бывали блестящие таланты (самый крупный из них, конечно, Александр I), но деятельность их приверженностью к европейской дипломатической системе увлекалась в сторону от основного русла русского исторического развития. Характерною чертою лучших проявлений русского дипломатического гения была широкая принципиальная постановка международных вопросов (акт вооруженного нейтралитета 1780 г., план федеративного переустройства Европы в инструкции Новосильцову 1804 г., акт Священного Союза 1815 г.). Однако, самая поста-

¹) Витте пишет в своих мемуарах об одном из министров иностранных дел Имп. Николая II, кн. Лобанове-Ростовском: „Кн. Лобанов-Ростовский был человек очень образованный, он знал всё, что касается Запада, Дальний же Восток его никогда не интересовал, и он ничего о нем не знал“.

новка этих вопросов (как видно отчасти и на выше приведенных примерах) страдала от той же однобокой (европейской) ориентации русских дипломатических усилий.¹ В русской дипломатической практике XVIII—XX в. в. боролись постоянно два направления: интернационалистическое (фактически-европеизующее) и самодовлеюще-русское (евразийское). Первое направление представлено было главным образом профессиональными дипломатами, второе — главным образом, военными и администраторами. К первому направлению следует отнести все попытки вмешаться в европейские дела, как XVIII, так XIX и XX вв., второе направление выражалось в упорном (часто глухом) противодействии этим попыткам.² Второму направлению Россия обязана рядом успехов на Востоке.

§ 107. Западная Русь. — Польский вопрос.

Существенною исторической задачей, завещанной Русской Империи от Московского Царства, было объединение всех западно-русских земель. Задача эта разрешена была Российской Империей не полностью, но в значительной своей мере. Разрешение задачи являлось одновременно разрешением польского вопроса, т. к. большая часть западно-русских земель к началу XVIII в. находилась в обладании Польши.

Во время московско-польского сближения конца XVII и первой половины XVIII в. в. быстро продолжалась насильственная латинизация и полонизация уцелевших в Польше русских культурных организаций (в частности церкви и школы).

Вопрос о правах православного населения в Польше поднят был только в 1760-х гг. при Екатерине Белорусским епископом Георгием Конисским. По соглашению с прусским королем Фридрихом II, хлопотавшим о правах протестантской польской шляхты, русский посол в Польше, кн. Н. В. Репнин обратил внимание на права „диссидентов“ (т. е. христиан не латинян) в Польше. Польский сейм отвергнул петицию о правах диссидентов. После этого образовались три „конфедерации“ (союза) шляхты против сейма (конфедерация православных, протестантов и латинян, желающих дать права диссидентам). Русские

¹) Эта же однобокость привела в тупик Гаагской конференции 1899 г. русскую миротворческую идею.

²) Яркий пример — конфликт между Александром I-м и Кутузовым после сокрушения Наполеоновой армии. Кутузов считал, что война окончена изгнанием Наполеона, и итти на Запад не хотел.

войска были введены в Варшаву и вожди крайней латинской партии были арестованы. Тогда сейм согласился издать закон об уравнивании диссидентов в правах с католиками (1767). В ответ образовалась (в г. Баре) конфедерация крайней латинской партии. Насилия барских конфедератов против православного населения вызвали отпор в виде восстания т. наз. „гайдамаков“. С обеих сторон было проявлено много жестокости (в 1768 г. гайдамаки под начальством Железняка и Гонты вырезали целый город Умань, населенный преимущественно евреями). Король Станислав-Август был бессилен справиться со смутю и просил Екатерину прислать русские войска для водворения порядка. Войскам этим пришлось вести длительную борьбу с конфедератами, которым содействовали — открыто Франция и, менее заметно, — Австрия. Благодаря в значительной степени стараниям Франции, Турция об'явила войну России (см. ниже § 108). Не имея сил вследствие турецкой войны проводить свою политику в Польше, Екатерина вынуждена была допустить вмешательство в польские дела Австрии и Пруссии. Так произошел первый раздел Речи Посполитой, по которому Пруссия получила земли с польским населением (Западную Пруссию), Австрия — земли с польским и русским населением (Галицию), Россия же — области с населением чисто русским (Полоцк, Витебск, Могилев).

Немедленно по окончании второй турецкой войны пришлось разрешать новые затруднения в Польше. Под влиянием революционных идей, шедших из Франции, в Польше произошли крупные перемены. 3 мая 1791 г. сейм принял новую конституцию. Отменено было право *liberum veto*, усилена центральная власть. Конституция 3 мая превращала прежнюю Речь Посполитую в централизованное государство (Великое княжество Литовское формально инкорпорировано в состав Польши). По отношению к развитию политических идей в польском обществе конституция 3 мая играла роль крупного революционно-либерального достижения. Но по отношению к Литве и западной России конституция 3 мая была завершением политики насильственной колонизации. Высоко ставя права польского гражданина, конституция 3 мая безжалостно попирала права литовского и русского населения. Провозглашение конституции 3 мая вызвало междуусобие в Польше. Недовольная новой конституцией консервативная часть польской шляхты образовала конфедерацию (в Тарговицах). По просьбе конфедератов Россия отправила в Польшу

войска, занявшие Варшаву. Произошел второй раздел Польши (1793). Россия присоединила себе значительную часть западно-русских земель Польши (Минск, часть Волыни, Подолье¹); Пруссия присоединила Познань; оставшаяся часть королевства Польского должна была отказаться от конституции 3 мая. В 1794 г. в Варшаве и Кракове произошло восстание, организованное польскими патриотами, которые не могли так легко примириться с судьбой своей страны. Русский гарнизон Варшавы должен был отступить из города после страшных потерь (ночью было вырезано до 2 тыс. спящих русских солдат). Провозглашено польское революционное правительство во главе с ген. Косцюшkom²; это правительство объявило войну Пруссии и России. Екатерина двинула против Польши отборные русские войска во главе с Суворовым. Суворов взял штурмом Прагу, предместье Варшавы (1794).³ После этого Польша надолго перестала существовать, как отдельное государство. По третьему разделу (1795) Пруссия получила Мазовию (с Варшавой), Австрия — Малую Польшу (с Краковом); Россия получила Курляндию, Литву и западную часть Волыни (т. е. области с русским, литовским и латышским населением). В результате польских разделов, Россией были воссоединены все юго-западные русские земли (за исключением Холма, Галича, Угорской Руси и Буковины).

В эпоху борьбы Наполеона и Александра I Польша снова появилась на политической карте Европы, сперва в виде государства, зависимого от Наполеона (Княжество Варшавское), потом от Александра („Царство“ Польское присоединено к России трактатами 21 апр. — 3 мая 1815 г.). 15 (27) ноября 1815 г. Александр даровал новому Царству Польскому либеральную хартию и подтвердил свои либеральные и полонифильские чувства в речи при открытии первого польского сейма (1818). Польская конституция была отменена при Николае I в ответ на польское восстание против России 1830—1831 гг.⁴

¹) Граница между Польшей и Союзом Советских Республик после войны 1920 г. приблизительно соответствует русско-польской границе после второго раздела.

²) Король Станислав-Август был арестован.

³) Косцюшко был еще ранее разбит и взят в плен ген. Ферзеном под Малеёвицами.

⁴) Восстание это не может быть объяснено внутренне-польской политикой Николая. При всем своем несочувствии конституционным принципам

Согласно Органическому статуту 1832 г. Польше оставлены были лишь некоторые государственно-правовые особенности; после восстания 1863 г. отменены были и эти особенности, и бывшее „Царство Польское“ обращено в „Привисленский край“. Так, помимо первоначальных намерений русской власти, к России были присоединены не только собственно русские области, но также и значительная часть этнографической Польши.¹ Этим польский вопрос был вновь запутан и затуманен в русском и польском сознании. Очевидно, что нынешние попытки колонизации исконных русских земель также противоречат „национальному самоопределению“, как противоречили ему попытки руссификации этнографической Польши. Вопрос о воссоединении с Россией крайних западных русских земель — Галича, Буковины, Угорской Руси — практически не возбуждался до войны 1914—1918 гг.² — Земли эти, входившие в состав Австро-Венгрии, ныне достались трем новым государствам — Польше, Румынии и Чехословакии.

§ 108. Черноморье. — Турецкие войны XVIII в.

Распространение русского государства до пределов Черного моря потребовало тяжких усилий. При императрице Анне правительство прибегло к испытанной московской традиции — постройке укрепленных линий. В 1731—35 гг. проведена была т. наз. Украинская линия между Днепром и Сев. Донцом (почти по границе позднейшей Екатеринославской губ. с Полтавской и Харьковской). На эту линию поселено 20 полков ландмилиции. В низовьях Дона заложена крепость св. Анны (позже переименована в крепость св. Дмитрия Ростовского — нынешний Ростов на Дону). В 1736 г. началась война с Тур-

Николай корректно соблюдал польскую конституционную хартию. Восстание следует объяснить другими обстоятельствами: при твердом националистическом характере Николаевской политики поляки не могли больше надеяться на присоединение к Царству Польскому литовских и западно-русских губерний (на что они надеялись при Александре I).

¹) Из состава бывшего „Царства Польского“ к этнографической Польше не принадлежала Холмская область — частица древней Галицко-Воынской земли.

²) Косвенно большое значение для пробуждения национальных чувств в русском населении Угорской Руси имел поход Паскевича 1849 г. (усмирение венгерского восстания против Австрии). Уроженец Угорской Руси и видный угорорусский деятель А. И. Добрянский был представителем Австрии при армии Паскевича.

цией. Она была очень тяжела в виду трудности оборудования дальних походов (в Крым и Молдавию за Прут). Русские войска под начальством Миниха достигли ряда блестящих успехов (взятие Перекопа, Очакова, Азова, победа при дер. Ставучанах под гор. Хотинот). Однако мир (заклоченный в Белграде) далеко не соответствовал тяжести затраченных усилий и блеску достигнутых успехов. Россия получила лишь кусок степи от Юж. Буга до Таганрога; Азов постановлено было скрыть и оставить в нейтральной полосе между Россией и Турцией; Россия не добилась права держать флот на Черном море. Правительство Елизаветы Петровны прибегло к усилению южной границы новыми военными поселениями. В 1752 г. на правом берегу Днепра между р. Тясмином и Синюхой было поселено 16 тыс. сербских переселенцев (из них сформировано два полка). В 1759 г. образовано новое сербское поселение на Лугани и Бахмуте (т. н. Славяносербия). Поселяне щедро наделились землей.

С польскими осложнениями 1760-х годов (см. выше § 107) связана была новая турецкая война („первая турецкая война“ Екатерины). Польская смута, затянувшая русские силы, представила благоприятный момент для Турции, чтобы взять реванш в борьбе с Россией. В разгар гайдамацкого восстания (1768), Турция, по проиcкам Франции, объявила войну России под тем предлогом, что гайдамаки разгромили местечко Голту на турецкой территории. Застигнутая врасплох объявлением войны со стороны Турции, Екатерина сумела однако найти в себе и вызвать в окружающих большую энергию для ведения турецкой войны. Был составлен смелый план одновременного ведения войны на суше и на море. Сухопутная армия (под начальством гр. П. А. Румянцева) двинулась на Дунай, а флот (под начальством гр. А. Г. Орлова) был послан из Балтийского моря в Средиземное (Архипелаг) вокруг всей Европы. В 1770 г. были достигнуты крупные успехи на обоих театрах войны. Румянцев дважды разбил турецкую армию на реках Ларге и Кагуле, а флот занял главные острова Архипелага; турецкий флот был сожжен в бухте Чесме; однако пройти в Дарданеллы Орлову не удалось.¹ Несмотря

¹) Неудачей кончились также попытки поднять греческое восстание против турок в Море; турки подавили восстание с чрезвычайной жестокостью; высаженные в Море русские отряды были слишком слабы, чтобы противодействовать туркам.

на блестящие успехи русской армии и флота, Турция далеко не была уничтожена; она не просила мира, и приходилось вести войну и дальше.

Война закончена была лишь в 1774 г. миром в Кучук-Кайнарджи (деревня за Дунаем). Условия Кучук-Кайнарджийского договора имели большое значение в русско-турецких отношениях — это был момент перелома. Россия, правда, отказывалась от Молдавии и Валахии, занятых войсками гр. Румянцова (равно как и от островов Архипелага), но зато получила устья Буга и Днепра на северо-западном побережии Черного моря (с крепостью Кинбурном), устье Дона и Керченский пролив (Азов и Керчь) в северо-восточной части Черноморского побережья. Татары крымские и азовские признаны были независимыми от Турции. Русские подданные, находившиеся в Турции (по торговым делам), были поставлены под особое покровительство. Большое принципиальное значение имело то обстоятельство, что по одному из пунктов договора Блистательная Порта (т. е. правительство султана) обещала „твердую защиту христианскому закону и церквям оното“, а русские посланники уполномочивались делать представления султану по делам православной церкви. После Кучук-Кайнарджийского договора Россия прочно стала на Черном море в военно-дипломатическом отношении. Во главе управления „Новороссийским краем“ поставлен был Г. А. Потемкин, который проявил необычайную энергию в устройстве нового края и поднятии его экономического благосостояния. Государственно-колониационная деятельность Потемкина была закреплена с одной стороны уничтожением Запорожской Сечи (1775), с другой — приобретением Крыма (1783).

В 1779 г. определился существенный поворот русской международной политики. Выдвинулась идея союза с Австрией против Турции. В качестве конечной цели имелось в виду изгнание турок из Европы и воссоздание в Константинополе Греческой империи под главенством внука Екатерины II (родившийся в 1779 г. второй внук Екатерины получил имя Константина именно для возобновления византийских традиций). Под влиянием английской дипломатии Турция объявила новую войну России (1787). Рассчитывая на то, что силы России все будут отвлечены на юг, объявила войну России и Швеция (1788). Явным образом стала готовиться к нападению на Россию и Пруссия. Окруженная врагами, Россия оказала необычайную

силу сопротивления; Императрица Екатерина II проявила удивительную стойкость и выдержанность характера. Все попытки нападения шведского флота на Петербург были отражены (1788—1789); после упорной борьбы в северном Черноморье (взятие Очакова 1788), русские войска под начальством Суворова перешли в наступление за Прут. Суворов одержал блестящие победы при Фокшанах и Рымнике (1789); вслед за тем он взял штурмом главную турецкую крепость на Дунае — Измаил (1790). Что касается Пруссии, Екатерина сумела превосходно использовать создавшуюся тогда международную обстановку. Как раз в это время началась французская революция (1789). Екатерина II стремилась запутать Пруссию в борьбу против Франции. В 1791 г. в г. Яссах был заключен мир с Турцией. „Греческий проект“ осуществить не удалось. Зато Россия расширила свои владения по Черноморскому и Азовскому побережью (устья Днестра и Буга на западе; обширный край между Азовским морем и Кубанью, а также Кабарда на Северном Кавказе); Крым остался за Россией. Новые земли на Кубани были закреплены поселением запорожских казаков, переведенных с Днестра.

*§ 109. Черноморье. — Адриатическая политика Павла I
и Александра I.*

Противотурецкая политика Екатерины прочно обеспечила России часть Черноморского побережья. Захват Черноморья имел громадное значение для развития русской торговли и земледельческого под'ема русского юга. Вместе с тем явилась возможность построения наших отношений с Турцией на совершенно новых началах. Возможностью этой воспользовалось правительство императора Павла Петровича. Внешняя политика императора Павла представляет вообще крупное явление в истории русской дипломатии. Характерною чертой этой политики является попытка установить влияние России в восточной части Средиземного моря путем не войны с Турцией, а сближения с ней. В 1798 г. Россия и Турция присоединились к коалиции Англии, Австрии и Неаполитанского королевства против Франции; коалиция вызвана была желанием дать отпор завоевательной политике французской республики (в частности французские революционные армии заняли Швей-

царию, северную Италию, Ионические острова;¹ в 1798 г. генерал Наполеон Бонапарт послан был в Египет для захвата путей в Индию).

Россия заключила с Турцией особую конвенцию о союзных действиях. Турция соглашалась пропускать русский флот через Босфор и Дарданеллы (обязуясь в то же время держать эти проливы закрытыми для военных кораблей других наций). Русская Черноморская эскадра под начальством адмирала Ушакова (совместно с турецкими кораблями) отправлена была в Адриатическое море. Ушаков выгнал французов с Ионических островов и образовал на этих островах особую республику, формально под покровительством Турции, фактически же — под верховенством России. Ушакову удалось достигнуть большого влияния на Адриатическом море. В 1799 г. Черногория просила о принятии ее в подданство России. Таким образом, политика Павла привела к установлению прочной русской базы на Адриатическом море; теперь мог быть осуществлен и фактический контроль над положением всего православного и славянского населения Балкан. Желая распространить еще далее влияние России на Средиземном море, Павел принял под свое покровительство орден рыцарей св. Иоанна, владевший о. Мальтой (т. наз. мальтийские рыцари). С морской кампаниею на Средиземном море Павел связал сухопутную, послав в помощь Австрии лучшего русского полководца Суворова (1799). Блестящие действия Суворова не были в достаточной степени использованы Австрией. Убедившись в своекорыстных действиях Австрии (а также Англии), и не желая быть игрушкой в их руках, Павел резко разорвал с бывшими своими союзниками. Вместе с тем Россия начала сближаться со своей недавней противницей — Францией. Павел симпатизировал Наполеону Бонапарту после того, как тот, вернувшись из Египта, стал фактическим диктатором Франции („первым консулом“). Перемена русской политики по отношению к Франции вовсе не означала перемены в отношении к Турции; союз России с Турцией продолжался, и адриатическая база была сохранена для дальнейшего развития русской политики на Балканах.

Адриатическая политика Павла продолжалась в первое время

¹) Ионические острова, населенные православными греками, со Средних Веков принадлежали Венеции.

царствования Александра. Правда, 5 июня 1801 г. с Англией была заключена конвенция о взаимной дружбе, при чем Россия отказалась от своих притязаний на Мальту. Отказ от Мальты был существенной брешью в средиземноморской политике России. Но в общем, эта политика не была оставлена. Главным козырем были теперь Ионические острова. Ионические острова на некоторое время составили и политическую¹ и военно-морскую базу русской политики. В сентябре 1805 г. небольшая русская эскадра адмирала Сенявина вышла из Балтийского моря. В январе 1806 г. Сенявин прибыл на остров Корфу (Керкиру). Опираясь на Ионические острова и Черногорию, Сенявин полтора года вел героическую борьбу на суше и на море с превосходными силами Франции, а потом и Турции.² Тильзитский мир между Наполеоном и Александром (1807) принес с собою полное крушение русских планов на Средиземном море. Ионические острова были переданы Франции. Наполеон вызвался быть посредником между Россией и Турцией, но это посредничество ни к чему не привело.

Потеряв Ионические острова, Александр не отказывался однако от Павловской мысли достигнуть осуществления русских замыслов на Балканах и Адриатическом море (а равно и улучшения быта балканских славян) — путем непосредственного соглашения с Турцией. Именно эту миссию должен был осуществить генерал Чичагов — особо доверенное лицо Александра, посланный в 1812 году на Дунай главнокомандующим русской армии вместо Кутузова. Но Кутузов успел уже до приезда Чичагова заключить мир с Турцией, без заключения союза с ней.

§ 110. Россия, Турция и Балканы в XIX в.

Нежелание окончательного разрыва с Турцией обусловило и выжидательную политику Александра в деле греческого восстания против Турции (1820-е годы). Лишь в самом конце царствования Александр I вступил в переговоры с Англией о необходимости

¹) Конституция Ионических островов (конец 1803 г.; проект переработки — в 1804 г.) была как бы пробным камнем всей либеральной международной политики Александра.

²) В 1805 г. Россия снова вступила в борьбу с Францией. Турция объявила войну России в конце 1806 г. В июне 1807 г. Сенявин разбил турецкую эскадру в Архипелаге у острова Имвроса.

помощи грекам против Турции. Но только уже в следующее царствование (Николая I) заключено было соглашение между Россией, Англией и Францией о помощи грекам (1827). Осенью 1827 г. соединенная русско-англо-французская эскадра уничтожила турецко-египетский флот при Наварине. Следствием была война России с Турцией 1828—29 г. г. Согласно плану императора Александра, война на Балканах, шедшая за освобождение отчасти и южных славян, должна была проходить при участии молодой польской армии. Цесаревич Константин не согласился послать польскую армию на Балканы; однако участие ее в войне символически было выражено чрезвычайною польской офицерской миссией. Война шла вяло в 1828 г. Только в следующем году русский главнокомандующий генерал Дибич нанес туркам сильное поражение (при Кулевче) и перешел за Балканы; в то же время на Закавказском фронте ген. Паскевич взял Эрзерум. Турция вынуждена была заключить мир (в Адрианополе). По мирному договору Россия получила на западном берегу Черного моря гирла Дуная, а на восточном — всё побережье от Анапы до Поти; выговорена была независимость Греции, автономия Сербии и Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии).

Условия Адрианопольского мира поразили тогдашний дипломатический мир Европы своею умеренностью. Умеренность эта не была результатом случайной слабости или ошибки, а наоборот следствием дальновидности и силы. Это было продолжение все той же туркофильской Павловской политики. Умеренность Адрианопольского мира дала плоды через несколько лет в знаменитом Ункиар-Искелесском соглашении между Россией и Турцией. Через несколько лет после Адрианопольского мира Турция очутилась на краю гибели вследствие внутренних смут. Египетский паша Мехмет-Али восстал против султана, и сын его Ибрагим разбил султанское войско. Турция спасена была только вмешательством России. Небольшой корпус ген. Н. Н. Муравьева отправлен был на Босфор для защиты Константинополя от египетских войск. Ген. Муравьев был одним из самых выдающихся военных деятелей Николаевской эпохи. Он отлично подготовил себя для действий на востоке (знал несколько восточных языков и мог вести все переговоры без помощи переводчиков). Результатом посылки Муравьева на Босфор было заключение Ункиар-Искелесского договора, который ставил Россию как бы в поло-

жение опекуна по отношению к Турции. Сущность Ункиар-Искелесского соглашения заключалась в том, что Босфор и Дарданеллы были признаны закрытыми для всех военных судов, кроме турецких и русских.

Ункиар-Искелесский договор был крупным достижением русской дипломатии, но Россия не сумела использовать выгод от него. Император Николай сам связал себе руки своим соглашением того же года с Пруссией и Австрией (в Мниховом Градище [Мюнхенграце]). Отойдя от Франции и Англии, Николай сделал представителей этих стран открытыми врагами своей политики в Константинополе. Положение стало особенно натянутым после того, как Французская революционная республика превратилась в империю Наполеона III. Николай не сочувствовал бонапартизму, придерживаясь принципов легитимной монархии. Отсюда его недоброжелательное отношение к Наполеону III. С другой стороны, Наполеон стремился закрепить прочность своего внутреннего положения эффективной внешней политикой. Стремясь привлечь к себе французских католиков, Наполеон стал добиваться от Турции привилегий для латинян в Святой Земле. Ключи Вифлеемского храма были отобраны от православных греков и переданы латинскому духовенству. Император Николай, являясь покровителем православного населения Турции (в силу еще Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г.), потребовал восстановления прав православного духовенства. Получив отказ от султана, Николай ввел русские войска в автономные (после 1829 г.) княжества Молдавию и Валахию, находившиеся однако под верховной властью султана. Осенью 1853 г. Турция объявила войну России. В ноябре этого года русская черноморская эскадра под начальством адмирала Нахимова уничтожила турецкий флот при Синопе. После этого, в Черное море вошли английская и французская эскадры; произошел разрыв между Россией и западно-европейскими державами (к Англии и Франции присоединилась затем еще Сардиния). Особенно трудным сделалось положение России после того, как Австрия потребовала очищения княжеств Молдавии и Валахии. Николай подчинился требованию, т. к. считал, что Россия не в состоянии будет вести войну еще с Австрией (тем более, что и Пруссия держала себя очень враждебно по отношению к России). Война на Дунае (составлявшая основную часть русского военного плана) сделалась после этого невозможной.

Главные силы русской армии были отвлечены охраною русских границ от поползновений Австрии (отчасти и Пруссии). Между тем, флот русский не мог противостоять соединенному англо-французскому флоту, тем более, что технически русский флот был несравненно слабее (состоял из парусных судов, тогда как флот союзников заключал в себе много паровых судов). Осенью 1854 г. союзники высадили свои войска в Крыму (близ г. Евпатории) и двинулись на Севастополь. Севастополь спешно был укреплен (под руководством инж. ген. Э. И. Тотлебена); при входе в Севастопольскую бухту самими русскими затоплены были корабли русского флота, чтобы преградить доступ в бухту англо-французскому флоту. Началась осада Севастополя. Севастополь мог бы быть спасен, если бы Паскевич согласился прислать подкрепление из главных частей русской армии, — охранявших русскую границу от Австрии. Паскевич, однако, не соглашался на рискованный шаг. 18 февр. 1855 г. умер император Николай I Павлович от случайной простуды.¹ Вступление на престол Александра Николаевича не сопровождалось переменою военного плана. Севастополь был в сущности предоставлен самому себе. 27 авг. 1855 г. французам удалось взять Малахов Курган — ключ ко всей Севастопольской крепости. После этого русские войска оставили южную сторону (главную часть города и крепость) и перешли по мосту на северную сторону. После падения Севастополя русское оружие одержало блестящий успех на Кавказском фронте: ген. Н. Н. Муравьев взял штурмом считавшуюся неприступною турецкую крепость Карс.² В начале 1856 г. при посредничестве Австрии и Пруссии, приступлено было к мирным переговорам между Россией и ее противниками. Парижский трактат заключен был на тяжелых для России условиях. Россия, правда, получила обратно Севастополь (в обмен на Карс), но теряла право иметь флот на Черном море; проливы Босфор и Дарданеллы закрыты для военных судов всех наций. Наконец, — Россия отказывалась от права исключительного покровительства христианским подданным Турции (они были поставлены под покровительство всех «великих держав»).

Россия утратила право покровительствовать христианскому населению Турции; но от обязанности помогать своим

¹) Возникли слухи о замаскированном самоубийстве Николая I.

²) Русские уже брали Карс в 1829 г., но по Адрианопольскому мирному договору крепость была возвращена Турции.

единоплеменникам и единоверцам — и после 1856 г. Россия отказаться не могла. К тому же, европейские державы не склонны были сколько-нибудь твердо пользоваться своим правом покровительства, и православное славянское население Оттоманской империи фактически лишилось всякого покровительства. Притеснения турками славян при сборе податей вызвали восстание против турок в Боснии и Герцеговине, а также в Болгарии. Турки пробовали подавить восстание с невероятными жестокостями. Так как великие державы не вмешивались, Турции об'явили войну Сербия и Черногория (1876). Командовать сербскими войсками был приглашен отставной русский генерал М. Г. Черняев (деятель Туркестанских походов, см. ниже § 113). С Черняевым пришло довольно много добровольцев из России. Силы сербов и турок были, однако, слишком неравны. После геройского сопротивления под г. Алексинцем, Черняев должен был отступить.

Сербия спасена была от полного разгрома вмешательством России. После того, как Турция отказалась исполнить требование конференции европейских дипломатов в Константинополе о реформах управления славянскими землями, Александр II об'явил войну Турции (12 апреля 1877 г.). К России присоединилась и Румыния (княжество, образовавшееся в 1859 г. из соединения Молдавии и Валахии). Война была трудною, тем более, что к началу войны далеко еще не было закончено переустройство русской армии (на основах всеобщей воинской повинности). К осени 1877 г. русским войскам удалось добиться значительных успехов на Балканах и на Кавказском фронте. 16 ноября был взят Карс (в третий раз за XIX век),¹ а 28-го ноября пала Плевна, где затворилась главная турецкая армия Осман-Паши. Зимой русские войска перешли через Балканы (И. В. Гурко, Ф. Ф. Радецкий, М. Д. Скобелев). В феврале 1878 г. русские войска подошли к Константинополю. Успехи русских войск вызвали вмешательство Англии. Британский флот вошел в Мраморное море. 19 февраля 1878 г. в местечке Сан-Стефано (10 верст от Константинополя, на Мраморном море) были подписаны предварительные условия мира между Россией и Турцией. Турция соглашалась образовать из своих балканских владений новое княжество — Болгарию — от Дуная до Эгейского моря (со включением всего течения Вардара, т. е. всей Македонии); Тур-

¹) В XX веке, по Брест-Литовскому миру (1918), Карс вновь отдан Турции.

ция признавала независимость Сербии, Черногории и Румынии. Россия получала гирла Дуная (уступленные ею в 1856 г.) и в Закавказье Батум и Карс. Сан-Стефанский договор возбудил против России Великобританию и Австрию; России грозила новая война. Желая избежать ее, Александр II принял посредничество Бисмарка (германского канцлера) и согласился пересмотреть условия договора на обще-европейском конгрессе в Берлине. Берлинский конгресс был полным поражением русской дипломатии и славянского дела. Территория Болгарии уменьшена была почти вдвое (Македония оставлена Турции); кроме того территория эта разрезана была на-двое (от Дуная до Балкан — княжество Болгария, на юг от Балкан, по верхнему течению р. Марицы — автономная область Восточная Румелия). Княжество Болгария считалось под главенством Турции, и лишь Сербия и Румыния признаны независимыми государствами. Кроме того, без всяких оснований, Босния и Герцеговина „временно“ переданы были Австрии.

§ 111. Персия и Кавказ.

Персидский поход 1722—1723 гг. должен был, по мысли Петра, явиться лишь началом русского движения на Восток. Но именно от персидских приобретений Петра русское правительство отказалось, т. к. приобретения эти требовали много денег и солдат для защиты их.¹ Северный Кавказ (Ногаи и Кабарда) приобретен был при Екатерине II в результате турецких войн (см. выше § 108). При Павле I просила о принятии в русское подданство Грузия, не находившая себе места между Турцией и Персией. Принятие Грузии в подданство было официально оформлено при Александре I. Принятие в подданство Грузии заставило Россию выдержать новую персидскую войну, начавшуюся в 1804 г. и окончившуюся присоединением к России Дагестана, Шемахи и Карабаха.

Большое значение для устройства Кавказа и Закавказья во вторую половину царствования Александра I имела деятельность ген. Ермолова (назначенного наместником на Кавказе в 1816 г.). А. П. Ермолов был один из крупных русских государственных людей XIX в. Большой военный и административный талант, лично скромный и простой в обращении, Ермолов был

¹) Каспийские приобретения Петра возвращены Персии в несколько приемов (в 1729, 1732 и 1735 гг.).

тверд и даже жесток, когда считал это нужным для интересов России. Уже в следующее царствование, при Николае I, в 1826 г. персы вторглись в пределы русского Закавказья. Ермолову пришлось держаться оборонительно, так как в его распоряжении было мало сил. Император Николай дал волю своей антипатии по отношению к Ермолову.¹ Вместо того, чтобы просто отправить подкрепления в распоряжение Ермолова, Николай послал на Кавказ для главного руководства всеми русскими силами другое лицо — генерала И. Ф. Паскевича. Паскевич сумел оправдать доверие Николая. Персидская армия была разбита (под гор. Елизаветполем); взята важная персидская крепость Эривань (в Армении). Когда Паскевич пошел вглубь Персии, шах просил мира; мирный договор заключен был в дер. Туркманчай (за Тавризом). Россия получила от Персии Армению по сю сторону Аракса с г. Эриванью. В течение всего царствования Николая I Россия принуждена была держать войска на Кавказе для защиты своих владений от набегов горцев. В течение долгих лет шла изнурительная горная война.²

Окончательное „замирение“ Кавказа было осуществлено в царствование Александра II. С 1857 г. новый наместник Кавказа, кн. А. И. Барятинский начал методическое наступление в горы Дагестана против вождя „мюридов“ Шамиля. Шамиль оказывал героическое сопротивление, которое однако было сломлено русскими войсками; в 1859 г. Шамиль был наконец взят в плен (в ауле Гуниб). Покорив восточный Кавказ (от Военно-грузинской дороги до Каспийского моря), Барятинский обратился к западной части Кавказа. Черкесам предложено было выселиться на равнину или выезжать в Турцию.³

§ 112. Средний Восток. Киргизский край в XVIII в.

К моменту смерти Петра, граница Российской Империи на Среднем Востоке шла вдавленным углом — от Алтая вниз по Иртышу до Омска, от Омска искусственной линией до верховьев р. Яика (Урала) и затем по Яику до Каспийского моря. Средневосточная степь билась в широкие ворота русских гра-

¹) Николай I подозревал Ермолова (без достаточных оснований) в сочувствии декабристам.

²) К этому времени относится значительное движение „мюридизма“, охватившее Дагестан и Чечню (1827—1859). „Мюриды“, ревностные мусульмане, вели священную войну против „неверных“.

³) Выехало в Турцию до 200 тыс. чел.

ниц. Река Яик была слабою преградою, и плохо „замиренные“ степные народы кочевали то в пределах Российской Империи, то вне этих пределов, часто вовсе их не замечая.

Три главные этнические группы должны были приниматься в расчет русской политикой того времени: башкиры (от Яика до Камы), калмыки (нижнее Поволжье), казаки (киргизы — по обе стороны Яика). Особенное значение имели — отношения с последней группой. Казаки (киргизы) кочевали на огромном пространстве — приблизительно между Волгой, Алтаем и Тянь-шанем.¹ Киргизы делились на три орды: старшую, среднюю и младшую.² Притеснения со стороны калмыков заставили киргизов искать помощи у русских. Еще в 1717 г. ханы всех трех киргизских орд — Тявка, Каип и Абуль-Хаир — признали себя подданными России. Подданство это оставалось однако совершенно номинальным. В 1730 году ближайший сосед России, хан Младшей орды Абуль-Хаир вновь предложил России свое подданство. Абуль-Хаир надеялся при русской поддержке укрепить свою власть над киргизским народом. Для принятия присяги от новых подданных в степь был отправлен от русского правительства татарин мурза Кутлу-Магомет Маметов (Тевкелев). Тевкелев пробыл у киргизов два года (1731—33). Задача оказалась гораздо труднее, чем думали в России; Абуль-Хаир предлагал подданство только от себя, не приготовив почву в самом киргизском народе. Тевкелев однако сумел преодолеть все затруднения; вся Младшая орда и часть Средней согласились принести присягу России.

На основании сведений, добытых Тевкелевым, построил свой проект сенатский обер-секретарь Иван Кириллов, один из самых выдающихся русских государственных деятелей XVIII века, воспитавшийся под непосредственным влиянием Петра. Кириллов считал, что киргиз-кайсацкая орда „всем азиатским странам и землям . . . ключ и врата“ и настаивал на постройке города в устье р. Ори (в южном Урале). Планы Кириллова шли затем еще дальше. Кириллов говорил о необходимости утвердить русское владычество на Аральском море и мечтал о „подобрании бухарских и самаркандских рассу-

¹) К югу казаки соприкасались с узбеками (Хива и Бухара), к востоку — с чжунгарскими монголами (затем с Китаем).

²) Орды эти называются часто: большая, средняя и малая. Но эти названия не точны, поскольку с ними связаны представления не о родо-вности, а о количестве. „Большая орда“ была меньше других по численности.

панных провинций“, т. е. о занятии Туркестана. Исходная мысль Кириллова была одобрена императрицей Анной Иоанновной, и на самого же Кириллова было возложено исполнение плана Орской экспедиции (в помощники Кириллову был назначен Тевкелев). Кириллову пришлось прежде всего по прибытии в новый край подавлять бунт башкир, которые не хотели допустить упрочения русской власти в южном Приуралье. 15 августа 1736 г. Кириллов заложил новый город при впадении р. Ори в р. Яик (город назван был Оренбургом — это позднейший город Орск).

Кириллов умер весной 1737 г. На его место был назначен русский историк и выдающийся администратор Татищев (перед этим управлявший уральскими горными заводами). Татищев нашел место нового города неудобным и решил перенести Оренбург на Красную гору (ниже по течению р. Яика). В 1742 г. новый начальник края, также выученик Петра, Неплюев перенес город в третье место, близ устья р. Сакмары (здесь Оренбург уже и остался). Еще при Кириллове началась, а при Неплюеве была закончена постройка укрепленных линий: 1) от Оренбурга до Самары, 2) верхнеяицкая, 3) нижнеяицкая — до Каспийского моря. Эти линии имели целью раз'единить башкир, киргиз и калмыков. В 1754—55 г. г. (отчасти из-за стеснительных мер тогдашнего русского правительства против ислама) вспыхнуло новое башкирское восстание под предводительством Батырши, который стремился привлечь к восстанию и киргизов, но неудачно. Неплюеву удалось раз'единить силы восставших и привлечь на свою сторону мещеряков и тептярей.¹ Много сделавший для укрепления русской власти в Оренбургском крае Неплюев не осуществил однако мыслей Кириллова о дальнейшем продвижении русской власти и утверждении ее на Аральском море.

Между тем, именно во времена Неплюева в Киргизском крае произошли события величайшего значения, показавшие необходимость энергичных действий со стороны России. Китайцы, раздраженные набегами чжунгарцев, выступили с решительными действиями против Чжунгарии. В 1756—1758 гг. чжунгарское государство было завоевано китайцами. Завоевание сопровождалось избиением (китайцами был почти поголовно

¹) Пугачевский бунт 1771—74 г. г. также связан был с волнениями башкир. Башкиры были верными приверженцами Пугачева.

уничтожен весь ойратский народ Чжунгарии — до 1 миллиона чел.). Китайские пикеты выдвинулись до русских владений на верхнем Иртыше. Китай начал притязать и на киргизские кочевья. Соседство Китая вызвало возможность новых волнений среди подвластных России калмыков и киргизов. В 1771 г. поволжские калмыки во главе с ханом Убашей, недовольные усилением русской административной опеки, огромной частью своей орды покинули пределы России и ушли в Китай (в Монголию). Не имея достаточно сил, чтобы воспрепятствовать уходу калмыков, русские власти обратились за помощью к киргизам. Киргизы приняли участие в преследовании калмыков, нанесли им урон и захватили богатую добычу.

Правительство Екатерины II стремилось поддержать спокойствие среди турецких народов средне-восточной русской окраины, покровительствуя исламу.¹ В 1785 г. была Екатериной издана грамота о веротерпимости. В 1786 г. русское правительство начало усиленно заботиться о школьном образовании у киргизов, при чем велено было учебные книги печатать на киргизском языке (вместе с русским). На учительские должности назначались казанские муллы (за отсутствием подготовленных кандидатов среди русских и киргизов). Эти меры привели к насаждению русской властью среди киргизов ислама и средневековой мусульманской образованности.

§ 113. Средний Восток. — Киргизский край и Туркестан XIX в.

За время до 40-х годов XIX в. средне-восточные границы России мало изменились. В 1802 г. была включена в состав России полоса песков между Каспийским и Аральским морями, а в 1819 г. — угол между верхним течением Ишима, озером Балхаш и рекой Чу.² Положение изменилось после назначения на пост оренбургского генерал-губернатора энергичного гр. Перовского. Зимой 1839—40 г. Перовский предпринял военный поход против Хивы, чтобы «наказать» хивинцев за их разбои. Поход окончился, однако, неудачно, вследствие обилия снегов. Но в 1847 г. русский военный отряд дошел до р. Сыр-Дарья, недалеко от впадения ее в Аральское море.

¹) В противоположность противомусульманской политике времени императрицы Елисаветы Петровны.

²) Клин между верхним Уралом и средним Ишимом был включен в состав России еще при Павле (1798).

Там было построено укрепление (Раимское — позже переименовано в Аральское). Это событие явилось поворотным пунктом в истории русских средне-восточных отношений.

Раимское укрепление сделалось базой русского владычества на Аральском море. Из Оренбурга в Раимское было доставлено в разобранном виде два военных судна. Таким образом образовалась русская Аральская флотилия и осуществилась более, чем через сто лет, мысль Кириллова — «на Аральском море Российский флаг объявить». Вследствие кокандских набегов было признано необходимым овладеть выше Раимского по Сыр-Дарье крепостью Ак-Мечетью (захвачена и переименована в форт Перовский в 1853 г.). Благодаря овладению нижним течением Сыр-Дарьи и учреждению Аральской флотилии русская граница фактически сразу передвинулась из Оренбурга до пределов Туркестана. Оренбургская укрепленная линия потеряла свое значение. К тому же времени относится выдвижение восточно-киргизской линии занятием южного бассейна оз. Балхаша (Копальское укрепление 1847 г.; Верный 1854 г.). Фактическая граница с Иртышской линии перенесена была в Семиречье.

Таким образом только через сто двадцать лет после Кириллова можно было думать о «бухарских и самаркандских провинциях». Но провинции эти не были уже «рассыпанными». С начала XIX в. в Бухаре новым ханским династиям удалось сильно укрепить ханскую власть (на основах жестокого деспотизма). Новый государственный центр возник в Ферганской долине, где один из местных узбецких князей (беков) принял также титул хана, обосновав свою столицу в Коканде. Кокандское ханство оказалось очень беспокойным соседом. Кокандцы пытались подчинить своей власти киргизов, давно принявших русское подданство. Начавшаяся борьба с кокандцами привела русскую власть к необходимости сомкнуть Сыр-дарьинскую и Семиреченскую линии. Для осуществления этой цели в 1864 г. генералом Н. А. Веревкиным был взят г. Туркестан, а генералом М. Г. Черняевым — Аулие-Ата и Чимкент. В 1865 г. из занятых земель образована особая Туркестанская область в составе Оренбургского генерал-губернаторства. Начальником новой области поставлен Черняев. 15 июня 1865 г. Черняев взял штурмом самый большой по числу жителей кокандский город Ташкент. Взятие Ташкента с ничтожными силами произвело потрясающее впечатление во всем Туркестанском

крае и в сущности решило исход борьбы.¹ Бухарский эмир пытался спасти положение кокандцев, потребовав очищения занятой русскими территории. Началась борьба с Бухарой, которую повел генерал К. П. фон Кауфман, с 1867 г. назначенный туркестанским генерал-губернатором. В 1868 г. Кауфманом занят был Самарканд. Эмир Бухарский признал себя вассалом Русского царя.

В 1869 г. Англия, встревоженная успехами русского оружия в Туркестане, предложила установить нейтральную зону между владениями России и Англии, с тем, чтобы Афганистан был включен в сферу английского влияния, а граница русского влияния шла по Аму-Дарье. В 1873 г. русская дипломатия согласилась на требования Англии; кн. Горчаков заявил о нежелании русского правительства овладеть Хивой. События сложились однако иначе; столкновение с Хивой было неизбежно в виду непрекращавшихся набегов хивинцев. В 1873 г. русские войска двинулись на Хиву со стороны как Туркестана, так и Каспийского моря (в общем количестве 13 тыс. чел. под командованием Кауфмана). Хива подчинилась суверенитету России; — часть Хивинской территории прямо была присоединена к России.² В 1871 г. на Китайской границе занята была Кульджинская область, т. к. смуты в Кульдже грозили спокойствию среди киргизов.³ Кульджа была занята русскими в течение 10 лет, и в 1882 г. — „без достаточных оснований“ — возвращена Китаю. В середине 1870 г. произошло восстание в Кокандском ханстве; после подавления восстания, Кокандское ханство было присоединено к России (в 1876 г. образована Ферганская область). К началу 1880-х годов относится карательная экспедиция против текинцев (взятие крепости Геок-Тепе М. Д. Скобелевым в 1881 г.). В 1884 г. без боя было присоединено к России нижнее течение р. Мургаба (с г. Мервом), и в следующем 1885 г. генералу А. В. Комарову пришлось иметь дело с афганским отрядом (Комаров разбил афганцев на р. Кушке). Этот инци-

¹) В Ташкенте считалось до 100 тыс. жителей. Гарнизон кокандцев доходил до 30 тыс. чел. при 63 орудиях. У Черняева было менее 2 тыс. чел. и всего 12 орудий.

²) При взятии Хивы было освобождено большое количество персов — рабов.

³) В Кульдже произошло восстание дунганов (китайцев-мусульман) и таранчей (сартов) против Китая; Китай не мог справиться с этими восстаниями.

дент вызвал большое возбуждение в Англии и грозил войной. Однако твердость в этом вопросе императора Александра III позволила России сохранить Кушку без дальнейших споров.¹ Присоединение Туркестана к России сопровождалось рядом мер, благодетельных для хозяйственного расцвета края, в частности — возрождением в нем хлопководства.²

§ 114. Сибирь, Дальний Восток и Русская Америка.

Как и среднеазиатская русская политика XVIII—XIX веков, дальневосточная наша политика исходила также из планов и мыслей Петра. По мысли Петра состоялось отправление в Китай чрезвычайного русского посольства 1727 г. Во главе посольства поставлен был гр. С. В. Рагузинский, который сумел наконец заключить постоянный договор с Китаем (Буринский трактат, подтвержденный Кяхтинским трактатом 1728 г.). Торговые сношения русских и китайцев могли происходить только в одном пункте (Кяхта — Маймачин). Россия получила право иметь в Пекине постоянную духовную миссию (на которую было возложено и дипломатическое представительство).

По мысли Петра организована была экспедиция Беринга, имевшая задачей выяснить „соединяется ли Азия с Америкой“.³ Первая экспедиция Беринга (1724—1730) имела однако мало практических результатов. Но уже в 1732 г. подштурман Федоров и геодезист Гвоздев наткнулись в море на „Большую Землю“ — Америку (Аляску). В течение следующего десятилетия (1733—1743 гг.) русским правительством организована была т. наз. „великая северная экспедиция“, имевшая огромное научное значение и бывшая одним из самых замечательных предприятий в истории науки.⁴ В 1741 г. капитан Беринг достиг

¹) Граница Закаспийской области с Афганистаном установлена в 1887 г.

²) Большое значение имела постройка железных дорог. В 1885—88 г. была построена закаспийская железная дорога (от Асхабада до Самарканда); во главе постройки стоял ген. М. Н. Анненков, который вел дело с изумительной быстротой, несмотря на большие природные препятствия (сыпучие пески). В течении 1900—1905 годов построена была Оренбург — Ташкентская железная дорога (до 2000 верст протяжением).

³) О том, что эта задача была уже решена Дежневым в 1648 г., в Петербурге не имели сведений.

⁴) Главным организатором экспедиции был тот же Кириллов, который заложил основы новой русской политики на Среднем Востоке (см. выше § 112).

берега Америки под 58° 28' сев. шир. Капитан другого корабля, Чириков также дошел до Америки (под 56° с. ш.), но лишен был возможности произвести высадку. С островов около Аляски команда Чирикова вывезла партию ценных мехов, возбуждавших предприимчивый дух сибирского купечества. Первый „морской вояж“ предприняли сержант Басов и московский купец Серебряников в 1743 г. За ними быстро последовали другие.

Во второй половине XVIII в. (при Екатерине II) основаны были постоянные русские поселения в Америке (на Аляске и прилегающих островах). Особую энергию проявил рыльский купец Григорий Шелехов, прозванный „российским Колумбом“. 28 лет от роду Шелехов переселился в Сибирь, и в 1777 г. снарядил первое свое судно к Курильским островам; затем последовали плавания к Алеутским островам. В 1784 г. Шелехов составил торговую компанию с братьями Голиковыми и занял остров Кадьяк около Аляски. Из этого центра владения Шелеховской компании быстро распространились на материк. Деятельность Шелеховской компании была направлена главным образом на добывание и скупку у туземцев ценных мехов морских котиков, бобров и др.

Крупное развитие получили русские поселения в Америке в начале XIX в. Еще при Павле (в 1798 г.) основанная Шелеховым торговая компания была преобразована в „Российско-Американскую компанию“, получившую монопольные промышленные и административные права в области русских колоний на Тихом океане. По уставу, утвержденному Павлом, первенствующим директором Компании должно было быть лицо из фамилии Шелехова.¹ Таким назначен был Резанов. Но руководящее значение в это время имел правитель Российско-Американской компании А. А. Баранов. В 1805 г. построена была крепость Ново-Архангельск, сделавшаяся главным пунктом русских владений на Аляске. Баранов не довольствовался собственно Аляской и строил более широкие планы. В 1812 г. им была основана колония Росс в Калифорнии. Баранов мечтал о превращении Тихого океана в Русское море. В 1815 г. им была организована экспедиция на Сандвичевы острова. Экспедиция однако кончилась неудачей (по вине ее непосредственного начальника, доктора Шеффера).² Широкая Тихоокеанская политика Баранова

¹) Григорий Шелехов умер в 1796 г.

²) В 1818 г. Баранов должен был выйти в отставку. Он умер, возвращаясь в Россию, на корабле Русско-Американской компании в Зондском проливе, и тело его, по морскому обычаю, опущено в море.

не продолжалась после его смерти. Колония Росс в Калифорнии была передана Соединенным Штатам Америки в 1840-х годах. Между тем как раз в 1840-х годах внимание русского правительства и общества вновь было привлечено к вопросам Дальнего Востока. Бассейн р. Амура, уступленный Китаю еще в конце XVII в., не был фактически занят и освоен китайцами, представляя собою совершенно пустынную область. В начале 1840-х годов академик Миддендорф, совершив ученую экспедицию на север и восток Сибири, на обратном пути проник в область Амура и убедился в том, что она фактически никем не занята. Отчет Миддендорфа произвел сильное впечатление в Петербурге. В 1847 г., назначая ген. Муравьева на пост восточно-сибирского генерал-губернатора, император Николай I упомянул в разговоре с ним о русской реке Амуре. В морских и дипломатических кругах тогдашней России господствовало мнение, что Амур имеет малое значение для России, т. к. имеет выход лишь в Охотское море (Сахалин считался полуостровом). Капитан Г. И. Невельской, посланный в Охотское море на бриге „Байкал“, решил на свой страх ознакомиться с устьем Амура и побережьем Сахалина. 30 мая 1849 г. Невельской на „Байкале“ вышел из Петропавловска (на Камчатке) к восточному берегу Сахалина, а 3 сент. прошел через Татарский пролив в Аянскую бухту. Вопрос о том, что Сахалин остров, был решен, и в связи с этим транзитное значение р. Амура выступило в ином свете. 1 августа 1850 г. Невельской в устье Амура поднял русский военный флаг. „За поступки в высшей степени дерзкие“ Невельской приговорен был к разжалованию в матросы, и только личное заступничество Николая I спасло Невельского от наказания.¹ Амурская область была закреплена за Россией в 1858 г. по Айгунскому договору, а в 1860 г. по Пекинскому договору приобретен Уссурийский край и северная половина Сахалина (южная находилась во владении Японии).

Вслед затем началась однако полоса уступок на Тихом Океане. В 1867 г. Аляска была продана Соединенным Штатам Америки за 7¹/₂ миллионов долларов.² В 1875 г. Японии были уступлены

¹) Николай I сказал при этом: „Где раз поднят русский флаг, он спускаться не должен.“

²) Аляска считалась бесполезною. Но вслед за ее продажей началась разработка американцами золотых приисков Аляски (сведения о золоте в Аляске были добыты и раньше русскими учеными, но на них не было обращено внимания).

Курильские острова (в обмен на южную половину острова Сахалина). Изумительна легкость, с которою правительство Александра II уступало соседям части русской государственной территории. Легкость эта выражает собою падение державного чутья в русском правительстве и обществе.¹

Конец XIX в. и начало XX-го принесли с собою значительное оживление в русской дипломатической политике. Но в этом оживлении не было выдержанного плана и единой мысли. В 1896 г. было заключено соглашение с Китаем о взаимной защите и союзной помощи (направленное против Японии).² Этим соглашением Россия получала право постройки железнодорожной линии в Восточном Китае. Несмотря на это соглашение, Россия в 1897 г. заняла Квантунский полуостров с гаванью Порт-Артуром и Дальним (в форме аренды на 99 лет). Это вызвало чрезвычайное раздражение в Китае. А в 1900 г. русский военный отряд совместно с войсками европейских держав принял участие в подавлении китайского народного движения Больших Кулаков. Тогда же русскими военными силами оккупирована Манчжурия. Несколько позже (1903—04) компанией близких ко двору промышленных дельцов (Безобразов, Вонлярлярский) были получены концессии на р. Ялу в Корее, несмотря на явную опасность осложнений от этой авантюры. Японская война (от 27 янв. 1904 г. до 16 авг. 1905 г.) заставила, как известно, отказаться не только от концессий на р. Ялу, но и от всего Квантунского полуострова. Россия должна была уступить Японии южную половину Сахалина, а вскоре и дать согласие на занятие Кореи Японией. Занятие Квантунского полуострова (и концессий на р. Ялу) было авантюрою, не вызванною действительными потребностями России и находившеюся в противоречии с основными принципами русской политики. Русская неудача в японской войне исторически была повторением неудачи Кубилая во второй половине XIII в. Как в конце XIII в. Кубилай, так в начале XX в. русский император японскою авантюрою вышли из естественных пределов своей империи. Напротив, не фиктивною, а реальною была связь России с Монголией; понятно и жизненно внимание, которое Россия должна была оказывать монголь-

¹) И то и другое были слишком заняты вопросами внутренней политики.

²) Соглашение это было составлено в Пекине русским уполномоченным в Китае гр. Кассини и затем китайским главным представителем Ли-Хун-Чангом подписано в Москве.

ским делам (и которое Россия перед Квантунской авантюрой перестала оказывать). Потерпев неудачу на Тихом океане, Россия более пристально начала следить за монгольскими отношениями. В 1911 году вспыхнуло монгольское восстание против Китая.¹ После этого Россия включила в сферу своего влияния соседнюю с собою т. наз. „внешнюю“ Монголию. „Внутренняя“ Монголия должна была вновь подчиниться Китаю.²

§ 115. Единство русского народа. — Заключительные замечания.

В течение XVIII—XIX в. в. Российское Государство достигло огромного распространения, окончательно сделалось — по своей территории — особым географическим миром. Русский народ почти в полном своем составе оказался в рамках единого государства. Государственное объединение достигнуто было русским народом в течение длинного ряда веков со страшными испытаниями и величайшим напряжением сил. Однако после того, как это объединение казалось окончательно установленным, начались попытки раскола изнутри русской народности и русского государственного единства в виде сепаратистских стремлений части деятелей украинских и белорусских.³ Государственную самостоятельность Украины и Белоруссии сепаратисты пытаются обосновать на культурной самобытности украинцев и белоруссов. Политический раскол русского государства стремятся вывести из культурного раскола русской народности. Культурный раскол этот есть однако в сущности политическая фикция. С исторической точки зрения совершенно ясно, что и украинцы и белоруссы суть ветви единого русского народа. До монгольского завоевания в русском народе были местные и племенные различия, но не было резкого расщепления на отдельные народности. После монгольского завоевания, когда западно-русские земли подпали под власть Польши, Литвы, Угрии, Молдавии — в этих землях естественно культурная жизнь пошла обособленно и своими путями, без прямой связи с Русью восточной. Усиливались и отличия в языке, отчасти под влиянием чуждых государственных канцелярий,

¹) Монголия издавна считала себя подвластной не Китаю, а лишь монгольской династии в Китае (павшей уже в XIV в.).

²) В 1926 г. внутренняя Монголия вошла в сферу влияния Союза Советских Республик.

³) Стремления, которые в некоторой степени были осуществлены с немецкой помощью во время последней войны.

пускавших в оборот массу латинских, польских и немецких выражений. Политические события половины XVII в. привели к воссоединению части юго-западных русских земель с восточной Русью. Это государственное воссоединение сопровождалось культурным слиянием. Большие количества южно-русской интеллигенции (главным образом, духовенства) хлынули в Москву. И в смысле культурных понятий и в смысле языка эта южно-русская интеллигенция оказала громадное влияние на всё развитие русской государственности и культуры. Из уроженцев Малой России набирались главные кадры церковных, а отчасти и государственных администраторов, частью и офицерские кадры армии в течение почти всего XVIII-го в.

Новая Российская Империя произвела огромную работу культурного слияния и перемешивания всех частей русского народа. Уроженцы Малой России не только не были отброшены от общего хода русской культуры, но одно время решительно стояли во главе общерусского культурного движения. Российская государственность, российская культура, создававшаяся в итоге исторического процесса XVIII—XIX вв., никоим образом не может быть называема великорусскою государственностью или великорусскою культурой. Точно также и русский литературный язык отнюдь не есть великорусский язык, но есть язык по своему происхождению общерусский.

Несомненно, отдельные ветви русского народа имеют жизненную потребность (и потому жизненное право) в употреблении своего краевого языка в повседневной жизни, школе, литературе. Но стремление совершенного культурно-государственного раскола русской народности на три различных народа, — это стремление вызывается не причинами этнически-историческими, а лишь причинами партийно-политического характера.

Русский народ един во многообразии; жил в течение веков, может жить и дальше.

§ 116. Русский народ и Россия-Евразия.

История русского народа как было уже сказано в начале этой книжки, есть постепенное освоение русским народом своего месторазвития — Евразии.

Государство, созданное русским народом в процессе исторического развития, не есть только политический механизм;

это государство есть громадный историко-культурный организм; это государство есть особый мир — особая часть света.

В состав этого мира входит не только русский народ, но также народы иного этнического состава — турецко-монгольские, финские и иные племена. Включение в мировую Державу дает отдельным краям и народностям неоценимые экономические и культурные выгоды, делает их сопричастниками мировой жизни.

Стихийный исторический процесс сплотил и продолжает сплачивать всё больше племена и народности Евразии в единое культурное целое. Это целое не может быть основано только на принципе внешнего механического единства. Это целое должно держаться внутренним чувством единства отдельных народностей Евразии (так же, как и отдельных ветвей собственно русского народа).

Российское государство есть государство Евразийское, и все отдельные народности Евразии должны чувствовать и сознавать, что это есть их государство.

Исторические судьбы России и Евразии отныне нераздельно слиты между собою.

Российское Государство не должно и не может бояться внешнего многообразия составляющих его частей: под внешним многообразием таится внутреннее единство.

Русский народ есть основная сила евразийского государства; русский язык есть основная стихия евразийской культуры. Но сила русской стихии в евразийском мире не может держаться на внешнем принуждении и регламентации внешних рамок.

Сила эта — в свободном культурном творчестве.

Русский народ создал Евразию как историческое месторазвитие напряжением всех своих сил.

Русский народ должен неослабно проявлять и в дальнейшем то же творческое напряжение, чтобы удержать место Евразии на земле и свое собственное лицо в Евразии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ.

Мысли, положенные в основу настоящей книги, были отчасти высказаны автором во вступительной лекции его в С.-Петербургском Университете осенью 1913 г. (напечатана в немного измененном виде в „Научном Историческом Журнале“, т. I. вып. 2, 1914, под заглавием: „О движении русского племени на Востокъ“; ср. также очерк автора: „Противъ солнца. Распространение русского государства къ востоку“ в журнале „Русская Мысль“, 1914, январь. Систематическое изложение новой точки зрения на географию России-Евразии см. в книге П. Н. Савицкого „Географические особенности России“ (Прага 1927).*

Сведения по русской истории в географическом разрезе и с географической точки зрения собраны в различных томах издания „Россия“ под общей редакцией П. П. Семенова-Тяньшаньского. Много данных для истории отношений России с Востоком заключается в ценной книге В. В. Бартольда, История изучения Востока в Европе и России, 2-е издание, Ленинград, 1926 (ценные библиографические указания). Библиографию важнейших работ по древней русской истории см. в книге Д. И. Багалая „Русская история. Т. I. Княжеская Русь“ (М. 1914) и в учебнике русской истории М. К. Любавского (изд. Сабашникова, М. 1918); см. также известный „Обзоръ истории русского права“ М. Ф. Владимирского-Буданова (последнее издание: Киев 1915). Для нового периода: А. А. Корнилов, „Курсъ истории России XIX в.“ в 3 частях (Москва, изд. Сабашникова, 1918).

Для библиографии послевоенных и послереволюционных работ по русской истории нужно пересматривать повременные издания, как „Русский Исторический Журнал“ (8 книг, 1915—21), сборники „Века“, „Россия и Запад“, „Новый Восток“ и др. Многие печатаются за последние годы в „Известиях Академии Наук С. С. С. Р.“

Нет смысла здесь перечислять общие курсы и отдельные монографии по русской истории, которые использованы при составлении настоящей книжки. Нельзя однако не отметить, что до сих пор непревзойденною по широте кругозора и разнообразию привлеченных к рассмотрению фактов остается „История Государства Российского“ незабвенного Н. М. Карамзина. Несмотря на то, что минуло более столетия со времени ее написания, не только „примечания“ к этой истории, но и многие страницы ее текста (а главное — общий размах мысли) до сих пор еще не устарели... Из отдельных монографий не могу не упомянуть превосходного труда В. В. Вельяминова-Зернова, „Исследование о Касимовских царях и царевичах“. Со времени опубликования этого труда прошло более полувека, — и тем не менее результаты его почти не вошли в наше историческое сознание...

Отмечу в заключение несколько основоположных исследований, большей частью вышедших за самые последние годы и потому не указанных в названных выше работах.

*) Там же обоснование понятия „месторазвитие“. — Я мог пользоваться не только печатным изложением взглядов П. Н. Савицкого, но многое вынес из непосредственных бесед с ним, что и считаю долгом здесь отметить.

ДЛЯ I ПЕРИОДА имеют большое значение труды М. И. Ростовцева: „Эллинизмо и иранство на югѣ Россіи“ (1918); *Iranians and Greeks* (1922); *Скиѣя и Боспоръ* (1925). — О славянах: L. Niederle. *Slovanské starožitnosti*, I, sv. IV: *Původ a počátky slovanských východních* (1924). K. Moszyński. *Wadania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą słowian* (1925). А. А. Шахма-товъ. *Древнѣйшія судьбы русскаго племени* (1918).

ДЛЯ II ПЕРИОДА: М. Д. Приселковъ. *Очерки по церковнополитической исторіи Кіевской Руси* (1913); его же, *Борьба двух мировоззреній* (Сборник „Россия и Запад“ 1924); его же „*Несторъ лѣтописецъ*“. М. Грушевський. *Исторія Української Литератури* (1926—27).

ДЛЯ III ПЕРИОДА: А. Е. Прѣсняковъ. *Образованіе великорусскаго государства* (1920).

ДЛЯ IV ПЕРИОДА: А. Е. Прѣсняковъ. *Московское царство* (1918); С. Ф. Платонов, *Иван Грозный* (1924); Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный* (1922); С. Ф. Платонов, *Борис Годунов* (1924); Б. Д. Греков, *Юрьев день и заповедные годы* (*Известия Академии Наук*, 1926); С. Ф. Платонов. *Смутное Время* (1924).

В заключение не могу не выразить искреннюю признательность за ценные советы и указания С. Г. Пушкареву, ознакомившемуся с настоящею книжкою еще в рукописи и взявшему на себя труд просмотра последних корректур книжки.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ¹

ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

П. Н. Савицкого²

1. Джучиев улус и Россия

В ряду политических образований, существовавших на пространстве Старого Света и обнимавших ту или иную часть нынешней территории России (СССР), — Российская Империя XVIII—XX веков занимает, в отношении территориального протяжения, промежуточное место между Монгольской Державой, в ее целом, и той частью этой державы, которая называлась „Джучиевым улусом“ (кипчако-русский улус). Российская Империя ни в один период своего существования не достигала размеров Великой Монгольской Державы, охватывавшей почти целиком Икумену (Монголосферу), включая Корею, Китай, нынешний Индо-Китай, часть передней Индии, весь Иран и значительную часть так наз. „передней Азии“.³ Но Российская Империя — больше Джучиева улуса. Правда, галицкие земли, находившиеся под властью Золотой Орды (Джучиева улуса), не входили в состав Российской Империи, как не входят в пределы СССР. Нужно отметить и то обстоятельство, что золотоордынское политическое влияние на Балканах (Болгария, Сербия) и в Молдавии, в течение некоторого времени, имело более оформленный вид, чем имело его когда бы то ни было в этих местах русское влияние (однако, и русское влияние бывало здесь временами сильно). Зато на западных и северо-западных пределах нынешней доуральско-русской (западно-евразийской) равнины русская власть проникла так далеко на запад и северо-запад, как никогда не проникало золотоордынское влияние (Прибалтика, в частности Финляндия, Эстляндия и Лифляндия, затем — Литва и Польша). В этих местах русские войска исходили и русская власть охватывала многие территории, где никогда не бывали монголы.³ Это относится также ко всему крайнему северу Евразии (хотя, напр., Якутия при Кубилае не только принадлежала Монгольской Державе, но была „просвещаемая“ и хозяйственно организуема монгольской властью). Освоение севера осталось в силе и в нынешнем СССР. Что же касается упомянутых выше северо-западных и западных земель, не входивших в состав Монгольской Державы, то они почти целиком

¹) Геополитикой именуется наука о географическом распространении и географическом характере политических объединений (государств).

²) „Геополитические заметки“ предназначаются для читателя, уже знакомого с основными фактами русской истории.

³) В Ливонии и Литве татары действовали в XVI в. в виде особых отрядов служилых татар в составе московской рати (стр. 142—143 и др.).

отпали в течение 1915—20 годов. Однако, факт существования в устье Невы такого (созданного Империей) центра, как Петербург—Петроград—Ленинград, создаст для СССР в Прибалтике существенно иную конъюнктуру, чем та, с которой должна была считаться в этих местах монгольская власть.

Если учесть место России в Прибалтике в XVIII-ом — XIX-ом — начале XX-го века, то пред нами раскроется одна из немногих сторон геополитического положения Российской Империи, которая не имеет прямых аналогов в истории монголов.¹ Русский Балтийский флот временами являлся существенным политическим фактором. Монголы на Балтийском море флота не имели вовсе.²

Также на восток Российская Империя проникла далее, чем распространялся Джучиев улус (еще в XVII в. русское государство перешло через Енисей и распространилось до Тихого океана; Джучиев улус в этом направлении не шел дальше Алтая; Монгольская же Держава, в ее целом, охватывала эти места). То же наблюдается на юго-востоке: во второй половине XIX в. Россия овладела предгорным и горным Туркестаном, в свое время оставшимся вне „Джучиева улуса“. Огромный круг земель является общим Российской Империи и „Джучиеву улусу“. Мы подразумеваем основное протяжение евразийских низменностей — равнин (нынешней доуральско-русской, западно-сибирской и туркестанской). [Сюда же относятся прилегающие части Кавказа]. Основная территория „Джучиева улуса“ составляет основную часть территории новейшего русского государства. Подобно державе императоров всероссийских и власти правящих органов нынешнего СССР, власть золотоордынских ханов охватывала одновременно: бассейны Дона и Волги (в их полном составе), Киев, Смоленск, Новгород и Устюг, побережья Аральского моря (тогдашний Узбекистан) и степи позднейших Тобольской и Томской губ.“

¹) Деятели Империи придавали большое значение положению России в Прибалтике. Вспомним хотя бы политику Петра I или Семилетнюю войну (которая сопровождалась занятием Россией ряда прибалтийских провинций Пруссии).

²) Также на Черном море Россия XVIII—XIX в. в. играла, до некоторой степени, роль одновременно: Золотой Орды и генуэзцев XIII—XIV в. в. Что же касается русского тихоокеанского флота, то судьба этого флота пока что представляется сходной с судьбой тихоокеанского флота Кубилая (стр. 228). Нужно заметить, только, что в силу геополитического сложения Великой Монгольской Державы (см. выше), Кубилай, опираясь на значительное протяжение населенных и богатых китайских и корейских берегов, имел значительно большие шансы морской победы над Японией, чем те, на которые могла рассчитывать Россия начала XX-го века. В войне с Японией русские силы висели буквально на ниточке железной дороги, среди почти совершенной хозяйственной и демографической пустоты. Этим сопоставлением рельефно выявляется легкомыслие руководителей русской внешней политики начала XX века.

³) Горная страна в восточной части нынешней Киргизской степи, от р. Имлия на востоке до р. Каратала на юго-западе и р. Нуры на западе была занята в XIV в. „казацкими“ (киргизскими) племенами, входившими в состав Джагатаева улуса (обнимавшего нынешний Туркестан).

С геополитической точки зрения является неизбежно обоснованным то введение истории Золотой Орды в рамки русской истории, которое производит Г. В. Вернадский.¹ Даже элементарное изложение русской истории должно отныне знакомить с образами тех царей и тех темников, в деятельности которых выразились в свое время геополитические и хозяйственные тяготения, приведшие в новое время к созданию великого русского государства и в настоящее время являющиеся основой существования СССР.² Имена этих царей и темников должны явиться одним из символов трактовки евразийских низменностей-равнин и прилегающих

¹) Историю Монгольской Державы сближает с историей Российской Империи, в числе другого, геополитическая сторона некоторых военных операций и походов, соответственно золотоордынских и русских. [В последующем перечислении руководствуемся исключительно признаком *общего* географического расположения театра военных действий и направлением движения воинских сил, не вдаваясь в *детальное* географическое сопоставление и *оставляя в стороне все прочие признаки*].

I. Польским походам монголов (стр. 75, 84) соответствуют польские походы Империи. При этом русские походы в Польшу (напр., 1794-го или 1831-го года) представляют собою более *замечательные* образцы военного искусства, чем польские походы монголов.

II. Венгерскому походу Батыя (стр. 75—76) отвечает венгерский поход Паскевича (1849 г.). Венгерский поход Батыя, выступавшего всецело на свой страх и риск, *милитарно значительнее*, чем поход Паскевича, который действовал как усмиритель, во имя поддержания Габсбургской монархии. Батый и Паскевич одинаково шли из-за Карпат.

III. Балканские походы монголов (стр. 83, 84), в геополитическом смысле, повторены задунайскими и забалканскими походами русских.

IV. Аналогом кавказских походов золотоордынских царей (стр. 84) являются кавказские войны, которые велись русским правительством. Однако, русские операции на Кавказе *шире*, чем кавказские операции золотоордынских царей.

Таким образом, и *Золотая Орда*, и *Россия вели войны на Кавказе и на Балканах, в Венгрии и в Польше*. Для каждой из этих держав названные области образовывали как бы „полосу военных действий“, окаймлявшую их основные владения. Важнейшие из упомянутых золотоордынских походов относятся к XIII столетию; перечисленные русские походы принадлежат XVIII—XIX векам. Военная история *Московского* государства, в этой области, дает меньше материала для сопоставлений с военной историей монголов.

Итальянскому походу Суворова (в 1799 г.) и походам 1813—15 годов нельзя найти аналога в истории монгольских походов. Чтобы отыскать соответствующие явления, нужно углубиться в историю кочевых империй. Кони всадников, пившие воду в Дону и уральских реках, впервые *со времен Аттилы*, испили воду итальянских и галльских рек в русских походах XVIII—XIX в. в. [в походах 1813—15 г. г. участвовали, в числе других, *донские казаки* и башкирская кавалерия образованного перед тем „иррегулярного“ башкирского войска]. Походы Аттилы *милитарно существенней*, чем русские походы 1799-го и 1813—1815 годов. Аттила действовал, как самостоятельный фактор. Россия выступала в рядах сложной европейской коалиции. С этим ограничением названные русские походы нужно признать геополитическим аналогом походов Аттилы (в смысле движения организованных воинских сил из глубины Евразии вглубь Европы).

²) Ср. брошюру: И. Р. Наследие Чингисхана, Евразийское Книгоиздательство, 1925, стр. 9; также статью кн. Н. С. Трубецкого „О туранском элементе в русской культуре“ в „Евразийском Временнике“, кн. IV.

к ним стран, как „связной площади“, как геополитического единства. Не нужно забывать, что и в смысле экономического золотоордынская власть имела дело с (применительным к условиям того времени) использованием хозяйственных ресурсов тех самых территорий, которые в настоящее время являются поприщем экономической деятельности народов России-Евразии. К настоящему моменту нет возможности сомневаться, что это использование было многосторонним. Как выражается В. В. Бартольд в терминах старой географии, „доказано, что несмотря на произведенные монголами опустошения, первое время существования монгольской империи было временем экономического и культурного расцвета для всех областей, которые могли воспользоваться последствиями широко развившейся при монголах караванной торговли и более тесного, чем когда либо прежде и после, культурного общения между западной и восточной Азией“ (1926)... Пришедшие к процветанию (а отчасти возникшие) в течение XVIII—XIX в. в. русские города Причерноморья, а также среднего и нижнего Поволжья представляются, в широкой исторической перспективе, воспроизведением и возрождением располагавшихся в тех же местах культурно-городских центров золотоордынской эпохи (Сарай, золотоордынские центры в Крыму). В Поволжье „остатки домов, с облицовкой мрамором и изразцами, водопроводы, надгробия, куски серебряной утвари, парча, венецианское стекло выступают свидетелями о жизни татарских культурных средоточий XIII—XIV веков и... их отношений с другими народами Востока и Запада“.¹

¹) Интересно, что Сарай (мы подразумеваем тот татарский город, развалины которого расположены около позднейшего Царева; остатки другого значительного поселения находятся у с. Селитреного, верст на 200 ниже по Ахтубе) принадлежит к числу исторических средоточий — век, отмечающих основные „растительно-почвенные“ рубежи Доуральской России; как Киев и Великие Болгары помещены на границе леса и степи (стр. 38), так Сарай расположен на рубеже между степью и пустыней, отмечает крайний, в направлении северо-запада, угол распространения внутри-континентальной пустыни. Подобное географическое расположение столицы Золотой Орды вполне объяснимо: именно зона пустынь являлась основной линией сношений в пределах Великой Монгольской Державы, связывала непрерывной сухопутной, относительно удобной магистралью Хан-Балык (столицу Кубилая, нынешний Пекин), недалеко от восточной окраины пустыни, с низовьями Волги. Сарай и поместился в крайне-западном конце этой оси, и притом на берегу водной артерии (Ахтубы), связанной с Волгой. Волга, в сочетании с притоками, соединяла Сарай с болгарскими и русскими областями. Близость к месту, где Дон подходит к Волге (Волжско-Донской перешеек), давала Сараю удобные сообщения с юго-западом (Приазовскими, Причерноморскими и более южными землями); в сочетании с прочими упомянутыми обстоятельствами, близость эта делала Сарай важным узлом путей... В своем расположении на западной окраине евразийской пустыни, Сарай „симметричен“ Хан-Балыку (помещенному на ее восточной окраине). И как из Хан-Балыка монгольская власть повелевала странами к востоку и юго-востоку от пределов пустыни, так из Сарая золотоордынская власть управляла землями к западу и северо-западу от этих пределов... Вполне понятно также,

Ряд золотоордынских царей и темников XIII—XIV столетия, в их качестве распорядителей судьбами евразийских низменностей-равнин, может и должен быть сопоставляем с образами русских императоров, императриц и полководцев XVIII—XIX в.в.¹ И если среди последних мы видим много значительных и одаренных фигур, то немало их и среди первых: назовем „властного и сурового правителя“ Беркая, „победителя греков“ темника Ногаю (правителя Причерноморья: 1266—1299), „правосудного и расположенного к людям добра всякого вероисповедания“, в то же время „властного и сильного“ хана Тохту (1291—1313), великого Узбека (1313—1341), Джанибека (1342—1357), при котором была „большая льгота“ русской земле, и пр. Нужно отдать должное дому Джучия и монгольской военной среде. Ряд администраторов и полководцев, выдвинувшихся в истории Золотой Орды в течение одного столетия (от середины XIII-го по середину XIV века: „великое столетие“ Золотой Орды!), может поспорить с любым таким рядом в истории других народов и стран. В особенности, если мы вспомним, что Золотая Орда есть только часть того целого, в центре и других частях которого действовали и Чингис, и его полководцы, и последующие великие ханы XIII-го века, среди которых немало крупных фигур.² Для русского человека изучение истории этих людей полно глубокого интереса. В частности, деятели Золотой Орды соприкасались со многими геополитическими сочетаниями, которые и в настоящее время остаются в силе для России-Евразии (напр., отношение к балканским странам и Польше). Около них скрешивались рели-

почему важнейшие татарские средоточия расположены на Ахтубе (протоке, более восточном, чем Волга) и притом на восточном берегу: именно отсюда уводит к востоку непрерывное сухопутное пространство — являвшееся, согласно сказанному выше, основною линией сношений монгольской державы. Несколько видоизменяя термины, предложенные автором „Наследия Чингисхана“, можно выразится так: Сарай расположен у западного предела имеющей широтное простираение внутренне-евразийской „системы пустынь“; расположен в том месте, где к пределам пустыни подходят две из числа важнейших водных артерий Евразии, протекающих, как все почти крупные реки Евразии, в меридиональном направлении; мы подразумеваем Волгу и Дон. Беря картину в ее более детальных чертах, можно заметить следующее: течение каждой из названных рек, сначала как бы стремящихся к слиянию, поворачивает здесь под прямым углом. Получается четыре отрезка водных путей, ведущих, почти с полною точностью, на четыре стороны света (вверх по Дону — на северо-запад, вверх по Волге — на северо-восток (до Жегулей), вниз по Волге — на юго-восток, вниз по Дону — на юго-запад).

¹) Ведя переговоры с Персией (после русско-персидской войны начала XIX века), Ермолов (стр. 218) называл себя потомком Чингисхана. Такое происхождение увеличило почтение к нему со стороны персидского шаха.

²) Яркие образы некоторых из этих ханов, имеющих большое (хотя часто и „опосредственное“) значение в русской истории, дает Вс. Иванов в книге „Мы“ (1926). Роль цариц-регентш великой монгольской ставки (Туракина, 1241—1246, Огул-Гаймиш, 1248—1251) можно сопоставить с ролью царевны Софии и русских императриц XVIII века.

гиозные принципы (Православие, мусульманство, шаманизм), которые и сейчас действительны в евразийском мире...¹

Работа Г. В. Вернадского, в отношении ряда периодов и вопросов, действительным образом преодолевает укоренившийся ложный шаблон русского историописания. «О России эпохи татарского ига пишут так, как будто никакого татарского ига и не было. Ошибочность такого приема исторического изложения очевидна. Нелепо было бы писать историю Рязанской губ., вне общей истории России. Но совершенно так же нелепо писать историю России эпохи татарского ига, забывая, что эта Россия была в то же время провинцией большого государства. А между тем, русские историки поступали именно так». Г. В. Вернадский исправляет эту ошибку. Общие соображения о значении истории монголо-татарских держав в русской истории он облекает в плоть и кровь фактического материала. Рассматриваемую им в этом выпуске политическую, военную и дипломатическую историю России он очерчивает (для периода XIII—XV веков) в широкой рамке истории монголо-татарских держав этого времени. Нужно надеяться, что этот прием станет отныне неотъемлемым приобретением русской историографии...

Сила золотоордынской государственной традиции не была исчерпана в „великое столетие“ Золотой Орды (от середины XIII-го по середину XIV-го века). Крупным фактом, на который в изложении Г. В. Вернадского имеются отчасти указания, отчасти намеки, является двукратное „возрождение“ государ-

¹) Небезинтересны сведения о жизни и быте золотоордынских столиц (пользуемся сводкой Ф. В. Баллода, Старый и Новый Сарай, 1923, внося некоторые свои замечания). Город у с. Селитреного (стр. 237) являлся, видимо, Старым Сараем (основан Батыем), город около Царева — Новым Сараем (построен Узбеком). Развалины первого занимают пространство не менее 36 кв. верст (на 12 верст вдоль Ахтубы, полосой в 3 версты шириной); развалины второго — не менее 48 кв. верст. Кроме того, верст на 70 (от Царева) простираются отдельные группы развалин, по гребню сырта, вдоль Ахтубы. Видимо, это были *мировые* города, в подлинном смысле слова. Замечательны гидротехнические и оросительные сооружения Нового Сарая. Город был пересечен каналами и орошен прудами (вода была проведена также в отдельные дома и мастерские). Одна из систем бассейнов располагалась по склону сырта. Падение воды использовалось заводами, устроенными около дамб (белый уголь татарской столицы!) [найлены остатки железных приводных колес в несколько пудов весом]. „Старый Сарай“ (Селитренное) во времена Узбека являлся, по преимуществу, промышленным центром (развалины горнов, кирпичный завод, поташные печи, целые городки керамических мастерских). Однако, и в Новом Сарая открыты остатки монетного двора, ювелирных, придворных сапожных, портновских и др. мастерских. В торговом квартале обнаружены остатки товаров, происшедшие со всех концов Икумены, в т. ч., напр., кофе (чем опровергается мнение, что кофе вошло в употребление только в XVII в.). В *деревянных* конструкциях встречаются *еловые* бревна (ближайшие еловые леса отстоят от Сарая на несколько сот верст). В обоих городах были районы, состоявшие сплошь (или почти исключительно) из *кирпичных* построек. „Технически хорошо оборудованы и благоустроены были жилые дома золотоордын-

ственно-политической традиции Золотой Орды. Первое из них можно назвать тохтамышо-едигеевым или тимуровым возрождением (конец XIV-го — начало XV-го в.), второе — менгли-гиреевым или крымско-османским (XV—XVIII в. в.) [см. ниже гл. 3-ью и 4-ую].

II. Русь и Литва

„Замятня великая“ в Орде (конец 1350-х и 1360-е годы) есть факт, чрезвычайно значительный в геополитической истории Евразии. Именно в этот момент крайний юго-западный угол Евразии вышел из-под золотоордынской власти (процесс, который начался еще в конце 1330-х годов, когда Болеслав Тройденевич захватил Галич): степи между Днепром и Днестром заняло Литовско-русское государство, между Днестром и Дунаем — Молдавия... Когда в 1362 г. Ольгерд разбил подольских татарских князей, остатки татар частью ушли в Крым и за Дунай (в Добруджу), частью подчинились Литве. С этого момента у Литовско-русского государства появились служилые татары, которым, на условиях несения военной службы — были уступлены земли в Причерноморье — так же, как на столетие позднее, на таких же условиях, Василием Васильевичем были даны татарскому царевичу Касиму земли на Оке (Мещерский городок). Это последнее событие оказалось „делающим эпоху“ (см. периодизацию русской истории, предлагаемую Г. В. Вернадским, стр. 22). Касимовское царство многим способствовало переключению внутри-евразийских об'единительных тенденций

ского города; прекрасные поля и любопытная система отопления свидетельствуют о чистоте, тепле и уюте“. В окрестностях располагались дворцы, окруженные садами. В предместьях размещались шатры прикочевывавших к городу степняков. В Новом Сарае обнаружено немало христианских погребений. Там же — развалины, приурочиваемые к древней русской церкви. В Сарае существовал особый „русский квартал“. Он располагался, видимо, „вблизи от тех учреждений, куда надлежало обращаться по делам русских областей“. — От себя (П. Н. С.) сделаем нижеследующее наблюдение. За последние века мы знаем *четыре* столицы, каждая из которых администрировала в свое время *всё* (или почти *всё*) пространно евразийских низменностей-равнин; это — два Сарая, Москва и Петербург. Все четыре города на географической карте располагаются *на одной прямой*, а именно по линии, соединяющей устье Волги с устьем Невы. Эта линия есть как бы „ось разветвляния“ почвенно-ботанических зон Доуральской России (основные почвенно-ботанические рубежи, границы пустынной, степной и лесной зоны, она пересекает *под прямым углом*). От XIII-го к XVIII-му веку административный центр евразийских низменностей-равнин перемещался по этой линии с юго-востока к северо-западу: каждая более поздняя столица расположена *на северо-запад* от более ранней: Новый Сарай — на северо-запад от Старого, Москва — на северо-запад от Нового Сарая, С.-Петербург — на северо-запад от Москвы. В XX веке процесс пошел в противоположном направлении (столица вернулась в Москву). Возможно, что процесс на этом не остановится. В широкой исторической перспективе представляется вероятным дальнейшее перемещение столицы на юг и восток (может быть, в среднее или нижнее Поволжье)...

с монголо-татарских владетелей на московского царя.¹ Появление же служилых татар в Литовском государстве не повлекло за собою крупных последствий; и та благоприятная для Литвы (и стоявшей за ней Польши) геополитическая конъюнктура, которая была создана в западном отрезке евразийских степей Ольгердом и Витовтом, — к XVI-му веку была ликвидирована выступлением новых татарских и турецких сил... Иначе говоря, Москва оказалась годным объединительным центром в евразийской государственной системе. Литва—Польша таким центром не оказалась.² Здесь намечается граница двух исторических миров — одного, определяемого сложным сочетанием византийских и монгольских традиций, всё глубже перерабатываемых и всё полнее перекрываемых новым, из-под спуда бьющим началом русскости; другого — определяемого началом латинства (мира, в котором самые отрицания латинства соотносительны латинству и тем самым, зависимы от него). Это есть первое и приблизительное определение Евразии и Европы, как особых исторических миров.³ Процесс русской истории может быть определен как процесс создания России-Евразии, как целостного месторазвития. (стр. 9—10.) Об'единительным узлом в этом процессе сделалась та историческая среда, где налегли друг на друга и сопряглись друг с другом слои духовно-культурного византийского и государственно-военного монгольского влияния. Это есть историческая среда верхне-волжской Руси XIII—XV веков, намечаемая именами князей от Александра Невского до Василия Васильевича (и далее), и владык — от митрополита Кирилла (духовного отца Александра) до митрополита Ионы (духовного отца Василия)... Здесь неизменно были сильны полученные от Византии культурные начала, и эта же среда сначала принуждена была пойти, а затем волею пошла, и плодотворно прошла татарскую школу... Месторазвитием этой среды было то — священное для каждого русского — междуречье между верхней Волгой и Окой, междуречье, где и последующие века оставили

¹) Кроме Касимовского царства, существовали и другие группы служилых татар в Московском царстве. Таковы каринские татары (под именем Карина известен ряд татарских селений, по р. Чепце, притоку Вятки, в позднейшей Вятской губ.). Московские государи утвердили, на условиях службы, за каринскими князьями земли по р. Чепце. Особенно большое значение имело Карино в эпоху существования независимого Казанского царства (земли каринских князей охватывали казанские владения с северо-востока — так же, как Касимовское царство охватывало их с запада). Последняя известная жалованная грамота каринцам относится к 1686 г. (т. е. ко времени, несколько более позднему, чем уничтожение Касимовского царства).

²) Совершенно исключительное значение в смысле ликвидации об'единительных (в отношении евразийского мира) понюжок Литвы имела битва на Ворскле 1399 года (см. стр. 102).

³) Польша и собственно Литва, историческая жизнь которых определяется началом латинства, принадлежат, следовательно, не евразийскому, но *саронийскому* историческому миру.

свои наиболее замечательные памятники, междуречье соборов, кремлей и монастырей, мощная антенна русских энергий... Именно отсюда развертывалась нить собирания и византийского, и монгольского наследства (стр. 17). Здесь наиболее ярко выразилась „русскость“. А из всех православных стран именно эта область оставалась, пока что, наиболее независимой от латинства, и ему недоступной, несмотря на постоянные попытки воинствующего латинства подчинить Москву своей власти. Бывали моменты, когда и в Иерусалиме и в Константинополе сидели латинские патриархи. Но никогда доселе латинский патриарх не сидел на Москве. Также, напр., в области зодческой эта среда отмечена наименьшей представленностью храмово-строительных типов, свойственных западу („базиличная схема“), и наибольшим своеобразием типов; в то время, как, напр., на Ближнем Востоке базиличная схема представлена значительным числом примеров. Здесь она является одной из исконных схем храмостроительства, что сближает зодчество Ближнего Востока с зодчеством Запада. Но это есть уже вопрос географии зодчества, и его мы оставляем в стороне... — Отклонения государственной литовской линии от подчинения целая латинства были только временными отклонениями. Основной урок, который русское сознание выводит из истории Литовской Руси, есть свидетельство о том, что русскость несовместима с латинством. Насколько, казалось, условия Литовской Руси XIII—XV в. были благоприятней для развития русской культуры, чем условия Московской Руси: отсутствие монгольского ига, преемственность развития государственно-правовых форм, возможность сношений с Западом.¹ И что же мы видим: вместо расцвета — постепенную потерю русской культуры наиболее ценных кадров культурного возглавления, захирение и захудание, завершающееся тем, что, напр., к концу XVII в. (а именно в 1697 г.) для больших территорий, занятых русским населением, „польский язык был признан языком государственным и русский был изгнан из официальных актов“...² Литовско-русская государственность неуклонно переходила

¹) Преемственность развития выразилась, напр., особенно ярко в уставных грамотах, которые Витовт дал Полоцку, Смоленску и Витебску. Грамоты эти воспроизводят и утверждают, в упорядоченном виде, тот политический, социальный и правовой строй, который вырабатывался в названных землях в течение предшествовавших веков. Здесь сохраняется все, в виде собрания „добрых и малых людей“, являющегося верховным органом в делах местного управления. В то же время обеспечивается (выражаясь современным термином) „неприкосновенность личности“, свобода передвижения и т. п. Ничто подобное не было возможно в то время в Московской Руси, при суровости тамошних государственно-политических условий.

²) В Галицкой Руси (бывшей под властью Польши с XIV века) именно в конце XVII-го и первом десятилетии XVIII-го века перешли из Православия в унию епископы Львовский, Перемышльский, Терембовльский, Старопригальное братство во Львове и пр. Иными словами, именно в конце XVII-го и начале XVIII-го века Православие в Галицкой Руси потерпело наиболее тяжелые потери.

в польско-литовскую, а затем и просто в полъскую государственность (конституция 1791 г.).

Поразителен контраст между судьбами русской культуры, с одной стороны, в условиях монгольского и с другой стороны — литовско-польского владычества. В условиях первого был подготовлен культурный расцвет Московской Руси XV—XVI-го веков. В условиях второго, культура русского племени, попавшего под литовско-польскую власть, в конце концов почти исчезла с поверхности исторической жизни.

Русскость оказалась несовместимой с латинством, а латинство, в свою очередь, оказалось несовместимым с осуществлением объединительной роли в пределах славянского мира.¹ Этот исторический итог, выводимый из рассмотрения судеб литовского и польского государства, не препятствует признанию значительности той геополитической конъюнктуры, при которой течение Днестра от истоков до устья было в руках единой литовской власти (Витовтова таможня на Днестре, в районе позднейшего Херсона), когда магистраль Днестра была в обладании той же власти,² когда литовские войска проникали в позднейшую северную Таврию и на Крымский полуостров (напр., в 1397 г.).

III. Русь и держава Тимура

Новое (после „замятни великой“) усиление Орды сказалось в годы правления Мамайя, а затем — в особенности, при Тохтамыше, а также в период правления Едигея и несколько позже. Было не только приостановлено распадение основного ядра золотоордынской державы (на которое указывало появление в 1360-х — 1370-х годах независимых владетелей в Мордовской и Болгарской земле), но также и северо-восточная Русь, сначала после Куликовской битвы, а затем после периода фактической независимости 1395—1411 гг., была снова приведена к подчинению. Однако, также и в этот период, несмотря на победу на Ворскле, Золотая Орда не вытеснила польско-литовского государства из западно-причерноморских степей. Вытеснение это произошло в период второго „возрождения“ золото-

¹ Вторичную попытку принять на себя эту роль, — столь же безуспешно, как и в XV-ом веке, — произвела, на этот раз, польская государственность в первой половине XVII века (агрессивная политика в годы московской смуты, колонизационная и организационная деятельность И. Вишневецкого в Полтавщине и пр.).

² По Днестру сплавливали хлеб из Подолии. В 1415 г. несколько кораблей с хлебом из Гаджибея (позднейшей Одессы) спасли от голода Константинополь, окрестности которого были опустошены турками. В связи с этим указанием, интересно отметить устойчивость некоторых „геокультурных“ и хозяйственно-географических конъюнктур. В XIX в., уже при русской власти, Одесса была портовым городом польских (нередко литовско-русского корня) помещиков „юго-западного края“.

ордынской государственной традиции, протекавшего в виде укрепления и расширения Крымского ханства... Первому же (только что упомянутому) „возрождению“ золотоордынской традиции способствовало возникновение на Среднем Востоке новой мощной монголо-турецкой державы Тимура.

В геополитическом отношении, держава Тимура уже тем интересна для русских историков, что во всяком случае более половины (по пространству) подчинявшихся Тимуру земель вошло в состав позднейшей Российской Империи, а ныне входит в пределы СССР., в которых, в свою очередь, эти земли составляют значительную часть территории.

Затем :

I. именно ставленник Тимура (в период, когда он был его подручным) Тохтамыш вновь подчинил Москву золотоордынской власти, а через посредство Золотой Орды — власти Тимура (1380-е годы);

II. другой ставленник Тимура — сменивший Тохтамыша, Темир-Кутлуй (действовавший совместно с князем Едигеем) разгромил Витовта на Ворскле, чем помог делу защиты Москвы от литовского натиска и устранил литовскую „кандидатуру“ на роль собирателя евразийских земель...

Вовлеченность Руси на периферию Тимуровой державы имеет большое систематическое значение. Вовлеченность эта, сочетаясь с другими историческими фактами, знаменует принадлежность Руси (восточных славян) к тому историческому миру, который именуем миром евразийским.

IV. Царства-наследники Золотой Орды

Процесс распада Золотой Орды, остановленный во второй половине XIV века усилиями Мамая, Тохтамыша и Едигея, возобновился около середины и во второй половине XV века. Одним из первых выделилось Казанское царство.¹ Его возникновение опиралось на ту традицию государственной самостоятельности, которая была присуща землям б. волжских болгар (области, вокруг места впадения Камы в Волгу). Существование Казанского царства (1445—1552) предвлялось много-

¹ Кроме этапов распада, указанных Г. В. Вернадским (стр. 111 и 135, прим.), нужно упомянуть уход в 1465 г. из Джучиева в пределы Джагатаева улуса (а именно на р. Чу) части узбекской орды, во главе с султанами-джучидами Гиреем и Джанибеком (ушедшие явились предками части позднейших киргизов „казаков“). — Ранее того, признаком распада служило появление в 1430-х и 1440-х годах выходцев из Золотой Орды, действовавших за свой страх и риск в поволжских и поокских землях (Мустафа, Улу Махмет, стр. 108—109). В геополитическом смысле, арена деятельности этих выходцев довольно близко отвечает геополитическому поприщу таких русских выходцев, как Стенька Разин (XVII-ый век). Подобно Мустафе и Улу Махмету, Стенька двигался „с Низу“.

вековым существованием царства волжских болгар (с X-го века — мусульман, в своей социальной верхушке), а также правлением Булат-Темира (хана Болгарской земли, после великой „замятни“). Этот ряд государственных образований (Болгарское царство — царство Булат-Темира — Казанское) представляет собою политическое знаменование определенного культурного факта. В областях, вокруг впадения Камы в Волгу, существовала и существует особая культура, которая с течением веков все более окрашивалась в цвета ислама. Эту культуру можно называть „средне-волжской“. Изучение этой культуры составляет одну из существенных задач исторического исследования России — Евразии.¹ Наряду с православно-русской, именно средне-волжская культура представляла собою крупное явление в геополитическом круге Золотой Орды. Исторические известия XIII в. дают основание заключить о некоторой конкуренции между этими культурами в золотоордынской цар-

¹) Приведем некоторые сведения, характеризующие эту культуру, следуя данным: А. Ф. Лихачева и М. Худякова. Болгарская культура генетически связана с более ранней культурой „чуждских“ (повидимому, финских) народов. Народы эти были оседлыми, болгары же, при своем появлении в Среднем Поволжье, были кочевниками. Вслед за тем, и они стали оседлыми. Более поздняя монголо-татарская культура, в свою очередь, связана с культурой болгарской. Заметим от себя: эта последовательность культур („чуждской“ — болгарской — монголо-татарской) и образует культурно-исторический ряд, присущий волжско-камскому месторазвитию („средне-волжская культура“). Перед нами — один из ярких примеров того, что „культурные традиции оказываются как бы вросшими в географический ландшафт, отдельные месторазвития становятся „культурно-устойчивыми“, приобретают особый, специально им свойственный „культурный тип“ („Россия — особый географический мир“, 1927). Великая Болгария являлась крупным центром международной торговли. Она славилась своим кожевенным производством, и вывозила на Восток юфть, а также, повидимому, цветные сафьяны: на среднем Востоке „красный сафьян и по сие время известен под именем *булгари*“. Вывозила также крупную рыбу и белужий клей (нужно отметить договор с русскими 1229 г., регулировавший условия рыболовства на Волге); сплавляла лес и т. п. (некоторые из этих экономических фактов остаются в силе до сего дня: напр., выделка кож, которую славится Казань, и сплав леса). В свою очередь ввозились в Великую Болгарию товары из самых отдаленных стран: много предметов, найденных в Болгарии, происходит из Китая, и вообще влияние китайской культуры на болгарскую, повидимому, было велико. В Великой Болгарии процветали: плотничество, кузнечное и медничное ремесло, ювелирное мастерство, производство предметов из кости, производство войлока, ковров, тканей и шапок, сапожное дело, столярное ремесло, изготовление лодок, веревок, снастей, щепного товара, гончарное производство и т. д. Есть основания думать, что болгарское зодчество, хотя и находившееся в общем круге мусульманского искусства, было отмечено „местными особенностями“. То же относится к прикладному искусству. — До нас дошли имена болгарских ученых (Бурхан эддин Ибрагима и Якуба ибн эль Номана). Болгары снаряжали астрономические экспедиции. Сохранились известия о диспутах на религиозно-философские темы в болгарской среде. — Болгарское царство чеканило собственную монету: в X веке — с именами болгарских царей („мелик“), а в XIII-ом — с именем халифа Эн-Насир-Лидин-Аллаха. Монеты с именем этого халифа изготовлялись и в эпоху Джучидов „пока в Болгарии продолжали чеканить монету старого образца“.

ской ставке.¹ Первоначально получила перевес средне-вожжская культура. Не только позднейшее Казанское царство, но и самая Золотая Орда может быть рассматриваема, как находящаяся в магистральных средне-вожжской культуры.² Это выразилось, между прочим, в принятии золотоордынскими царями ислама. Впрочем, ислам проникал в царскую ставку не только с севера (со средней Волги), но и с юга. Определенно с севера (из Казани) шел ислам к целому ряду народов среднего Востока в XVI—XIX веках (ногаи, башкиры, „казаки“).

Основателем независимого *Сибирского* царства, охватившего северную часть зауральских владений Золотой Орды, явился ишимский хан Ибак (убийца хана Ахмата, см. стр. 122). История сибирских улусов Золотой Орды являет картину постепенного продвижения татарских поселений и татарских политических центров из пределов степи в пределы лесной зоны. В конце XV-го и в первые три четверти XVI-го века Сибирское царство в значительной мере входило в ту систему государственных образований, которая возникла в результате распада Золотой Орды и в которой действовало и развивалось также и Московское государство. Также и в это время Уральский хребет не являлся существенным геополитическим рубежом, как не является он существенной географической границей.³ Зауральские владетели оспаривали у Москвы влияние в Казанском царстве.⁴ Уже в конце XVI-го века (в период борьбы царя Кучума с московскими воеводами) сибирский царевич Аблай (вместе с „казацким“ ханом Ак-Назаром) ходил походом на только что основанный московскими воеводами в башкирских землях город Уфу...⁵ В XVI-м веке история Сибирского царства выдвинула крупную фигуру Кучума. Сперва он был объединителем распавшегося перед тем Сибирского царства (стр. 148, прим.). В позднейшие годы, в социальной среде зауральских татар, уже затронутой социальным распадом, он вел исключительную по упорству борьбу с распространением московской власти (1581—1598). Вытесненный из частей Сибирского царства, находившихся в пределах лесной зоны, он продолжал борьбу в степной (точнее — лесостепной) части своих владений. Окончательное поражение было нанесено ему на Оби, несколько выше позднейшего Ново-Николаевска (на во-

¹) Наряду с обращением членов царского дома в ислам, происходили обращения в Православие (крещение митрополитом Кириллом царевича Петра в середине XIII века).

²) „Нельзя подметить ясно-определенной черты между памятниками болгарскими и монголо-татарскими“ (А. Ф. Лихачев).

³) См.: П. Н. Савицкий, Географические особенности России, часть I-ая, 1927, стр. 120—121.

⁴) Казанский царь Махмет-Аминь, посаженный Иваном III, был вытеснен в 1496 г. из Казани шибанским (зауральским) владетелем Мамуком. Московское войско изгнало Мамука (указание Г. В. Вернадского).

⁵) Поход кончился неудачно для Аблая; его войска были разбиты уфимцами, и сам Аблай попал в плен.

сточной окраине Барабинской степи). Почти тысячи верст (по прямой) отделяет эти места от Искера, той столицы Кучума, которую брал Ермак (в окрестностях нынешнего Тобольска). От остяцких городков на нижней Оби до барабинских степей и Башкирии — таков геополитический размах Кучумова царства¹...

Из числа «царств-наследников» Золотой Орды, наиболее значительной исторической судьбою отмечено Крымское ханство. Действительным создателем этого ханства являлся Менгли-Гирей (стр. 121 и сл.). В конце XV-го и в начале XVI-го в. в. Литовско-Польское государство было оттеснено от Черного моря.² Польско-литовский рубеж отодвинулся к южной границе позднейших Подольской и Киевской губ., т. е. к пределам лесостепи (луговой степи). Вся позднейшая Херсонская губ. была занята татарами. Нижний Днепр, так же, как и нижний Днестр, перешли под власть Крымской Орды. В 1560 году ногайцы (зависевшие от Крымского ханства) опустошили северную Бессарабию и утвердились в южной (в так наз. Буджаке, степях между нижним Днестром и Дунаем). Таким образом, и эта область из под власти Молдавии (стр. 69) снова перешла под владычество степняков. На востоке подвластные Крыму кочевья захватывали ниже и среднее течение Дона. Почти всё (за исключением земель Запорожской Сечи) пространство *ковыльных* и *полюнных* степей, лежащих между Доном и низовьями Дуная, оказалось в сфере влияния Крымского ханства.³ Единственное обстоятельство, которым уменьшалось значение этих успехов: возникновение и укрепление Сечи Запорожской (середина XVI в.) нужно приписать самостоятельной деятельности народных украинско-русских элементов, а не политике литовско-польской власти... Еще более крупным являлся тот факт, что своими набегами крымские ханы в течение XVI—XVIII в. в. держали в страхе окраины, а в XVI-ом веке — также и центральные области Польско-Литовского и Московского государства.⁴ Еще в XVII в. крымцы хозяйни-

¹) В XV—XVI в.в. башкирские земли нижеследующим образом распределялись между «царствами — наследниками» Золотой Орды: башкиры, жившие по рр. Белой и Ику, платили ясак царям казанским, башкиры, кочевавшие по р. Узеню (в позднейшей Самарской губ.) — царям астраханским, башкиры горного и лесного Урала — сибирскому царю.

²) В начальный период существования Крымского ханства (до воцарения Менгли-Гирея) Польско-Литовское государство пользовалось в Крыму влиянием, аналогичным позднему влиянию Москвы в Казанском царстве. Однако, в дальнейшем параллелизм перерождается в противоположность. Казань была завоевана Москвою, а Крымское ханство отбросило Польско-Литовское государство от Черного моря (стр. 67, прим.).

³) Влияние это проникало и в области, к востоку от Азовского моря: в степи между нижним Доном и Кубанью, в предгорные и горные страны северо-западного Кавказа.

⁴) Крымские татары в 1503—06 г. г. были, напр., под таким внутренне-литовским (белорусским) центром, как Новогрудок, а в 1571 г., как известно, были под Москвой; в 1577 г. разорили Воынь и Подолню (в пределах тогдашней Польши) и т. д. и т. п.

чали на Украине. В начале XVIII в. Слободскую Украину почти каждый год постигал татарский набег. В 1769 г. крымские татары, во главе с ханом Крым Гиреем, совершенно неожиданно появились пред стенами крепости св. Елисаветы (позднейший Елизаветград).¹ Встреченные с крепости пушечными выстрелами татары не решились на штурм, но опустошили окрестности. Татарами было уведено из Елисаветинской провинции более тысячи человек пленных, много скота, сожжено более тысячи домов и т. д. Это было последнее татарское нашествие в русской истории. — Нужно предостеречь от суждения по этому выступлению татар о более ранних русско-монгольских и русско-татарских отношениях. Власть золотоордынских царей была регулярно властью, руководствовавшейся весьма широкими религиозными и политическими принципами. Её нельзя отождествлять и определять хищничеством позднейших татарских набегов... И однако, золотоордынская традиция сказывалась также и в Крымском ханстве (что и дает основание рассматривать усиление Крымского ханства в конце XV — начале XVI века, как второе „возрождение“ золотоордынской государственной традиции). И не только в том отношении, что „крымский юрт“ был основан выходцами из Золотой Орды, сохранившими об этом воспоминание, но и в смысле поддержания действительной традиции кочевого государства (в том числе — родового устройства).² В геополитическом смысле Крымское ханство, в значительной мере, восстановило юго-западную границу владений Золотой Орды.

Поучительно соотношение Крымского ханства и Турецкой (Османской) Империи. Принужденное признать над собой власть Османской Империи (стр. 121) Крымское ханство получило опору в существовании этой Империи. С турками крымских татар соединял религиозный момент (мусульманство) и момент племенной (общие турецко-татарские корни); различал признак „месторазвития“. Турецкая Империя явилась наследницей Византии и усвоила себе „вокруг — цареградское“ (в широком смысле) месторазвитие, т. е. северо-восточную (отчасти же — восточную и южную) часть Средиземноморья. Крымское ханство являлось наследником Золотой Орды и занимало юго-западную окраину Евразии. Именно началом „месторазвития“ определяется „свое лицо“ Крымского ханства в составе Турецкой Империи. Османская Империя удерживала элементы византийской культуры; Крымское ханство хранило степную (кочевую) традицию. Выражая логику месторазвития, Турция, в геополитическом отношении, установила то же соотношение с Крымским ханством, которое в свое время устанавливали греки

¹) Заложена в 1754 г. — Этот набег стоял в связи с объявлением Турцией войны России (стр. 209).

²) Военная техника крымских набегов, в некоторых отношениях, была близка к технике более ранних монголо-татарских походов.

в отношении скифов и гунуэзцы — в отношении Золотой Орды: заняла побережья. Занятые турками пункты побережья являли геополитический аналог греческим и гунуэзским колониям и факториям...

История Золотой Орды не только входит весьма существенной главою в историю Евразии, но входит также в историю России. Под пеленою Золотой Орды возросло русское государство. Этого нельзя сказать про Крымское ханство. Крымское ханство было одним из важнейших *соперников* Московского государства (и даже Российской Империи) в собирании рассыпавшихся улусов бывшей Золотой Орды. Этим положением и определяется, главным образом, отношение истории Крымского ханства к русской истории и *систематическое место* этого ханства в общей рамке евразийской истории.¹

I. Влияние крымской орды было основным, которое конкурировало с московским в делах Казанского царства (стр. 122, 126 и сл.).

II. Крымский хан (при помощи турецкого султана) пытался отобрать у Москвы Астрахань (1564 г.).

III. Он же являлся соперником русской власти на северном Кавказе, в кабардинских, черкесских и пр. делах (при Иване Грозном и позже).

IV. Крымское влияние неизменно сказывалось в башкирских восстаниях против русской власти в XVII и XVIII веках. Башкиры „пересылались“ с Крымской Ордою. В начале XVIII века к Елабуге, а затем и к Казани подступала группа восставших под предводительством Акая, из рода крымских Гиреев.²

V. Защита Руси от степи и Запада

Крымские набеги в пределы Московского государства начались не сразу после образования Крымского ханства. Г. В. Вернадский очерчивает момент, когда московские государи, перестав подчиняться Золотой Орде, сумели добиться влияния в Казани и союза с Крымом (Иван III), когда могло казаться, что Доуралье (нынешняя Доуральская Россия), объединенное перед тем Золотою Ордой, органически и без потрясений перейдет в рамки нового объединения, организуемого Москвою. Это время (конец XV-го — начало XVI-го века) было вообще знаменательным временем в истории Москвы и Руси; оди-

¹) В некоторые моменты „крымский царь“ претендовал на *всё* наследство Золотой Орды, в том числе на *прямое господство* над Московскою Русью. В этом отношении характерны, между прочим, показания Генриха Штадена (немца-опричника при Иване Грозном, записки которого недавно изданы).

²) Как можно вывести из предыдущего (стр. 246), в XV—XVI веках, также зауральские (сибирские) владетели, своим вмешательством в казанские и башкирские дела, претендовали на роль собирателей улусов б. Золотой Орды и в этом качестве конкурировали с Москвою (боролась с нею в Башкирии и Казани).

наково в смысле политических и в смысле *культурных* достижений. В это время возникла теория Руси — Нового Израиля, имевшая исключительно большое значение в московском культурно-государственном мировоззрении XVI—XVII веков (стр. 149). Тогда же, созданием кремлевских соборов (Успенского, Благовещенского, Архангельского), было „резюмировано“ всё предшествовавшее развитие русского храмоздательства (и внесен ряд новых мотивов). Этим, в свою очередь, было подготовлено возникновение (около 1530 г.) на московской почве своеобразного типа кирпично-каменных шатровых церквей (оригинальнейшего проявления русского архитектурного гения). Как раз в эти годы в заволжских лесах подвизался один из замечательнейших русских подвижников — Нил Сорский.

К концу XV века с ясностью выступили основные черты геополитического положения Москвы, существенные для хода ее истории. Значительную часть нынешней Доуральской России занимает „треугольник“ смешанных лесов (где произрастают т. наз. „широколиственные“ породы: дуб, липа, клен и пр.), с вершиною на востоке (на Волге между Н. Новгородом и Казанью) и основанием на западе (приблизительно по линии: устье Невы — Киев). Из числа лесных местностей, именно область смешанных лесов наиболее пригодна для распашки. Москва расположена на „оси“ этого треугольника. К западу от Москвы, область смешанных лесов расширяется. Область эта, по природе своей, наиболее близка (из числа русских земель) к европейским условиям. Она и есть путь от Москвы на запад и с запада к Москве. От Москвы же на северо-восток и от нее же — на юго-восток лежат области, по природе своей, существенно „вне-европейские“. — В ботанико-географическом расположении Москвы явственно выступают черты ее положения в „междуречье“ (стр. 241). Угол, образуемый Волгой и Окой, перед их слиянием у Нижнего Новгорода, отвечает приблизительно восточной вершине треугольника смешанных лесов; взятый в культуру, треугольник этот есть „лесо-полевая“ область. За Волгой залегает тайга, область хвойных лесов, с представленностью сибирских пород; за Окой — залегает лесостепь; в ней дубравы чередуются с „переполнянками“; дальше к югу — „дикое поле“. На северо-востоке — заволжские старцы. Там же издавна — промыслы и пути (к Студеному морю и за Камень). На юго-востоке — татары. Скоро, однако, „дикое поле“ станет превращаться в возделанные поля... Так, между путями с запада, тайгой и татарами возростала Москва — в характерном ботанико-географическом узле Доуральской России.¹ Опасность Москве грозила то с запада, то с юго-востока. Упором, на котором держалась Москва в моменты опасности, являлся северо-восток.

¹) О положении Москвы относительно водных путей см. стр. 85.

Когда опасность принуждала великого князя покинуть Москву, он уходил собирать войска именно в этом направлении...

Опасность с юга (от крымских татар) стала явственна с начала XVI века. Разрыв Москвы с Крымом произошел в 1510-х годах (стр. 126), а еще в 1509 году вел. кн. Василий Иванович поставил деревянный город в Туле (на подступах к Москве с юга). В 1525 г. Коломна была взята и разграблена крымским ханом Махмет-Гиреем, и вслед за тем в Коломне был сооружен „очень крепкий каменный город“. В 1530 г. был поставлен каменный город в Туле, в 1531 г. — в Зарайске, в 1556 г. — в Серпухове. Это строительство кремлей явным образом сопряжено с повторностью татарских набегов. Таким образом, создалась „связная линия“ кремлей по Оке, остатки которой являются донныне одним из примечательных памятников древне-русского фортификационного искусства (еще в 1508 году был укреплен каменной стеною Нижний Новгород). — „Связные линии“ укреплений, которые воздвигаются с целью не пропустить противника за определенную черту, нужно отличать от „опорных пунктов“, т. е. изолированных укрепленных мест, призванных служить убежищем в моменты опасности. Приокская линия кремлей, вместе с линией древних каменных крепостей по северо-западной и западной границе (Старая Ладога, также Новгород, Копорье, Ивангород на Нарове, Псков, также Порхов, Остров, Смоленск, Можайск, также Дмитров),¹ исчерпывают группу древне-русских крепостей, собранных в более или менее „связные“ линии.² Помимо них, — как вехами, обставлены кремлями две основных артерии, по которым шло распространение русской власти соответственно на юго-восток и восток. Мы подразумеваем артерию Волги, с Казанским и Астраханским кремлем, и артерию Туры и Тобола, с кремлями Верхотурья и Тобольска.³ Так изобразимо в виде системы расположение каменных кремлей, этих важнейших укрепленных пунктов Московского государства.⁴ Деревянные „города“ и остроги были разбросаны по всей территории государства. Ни один из них не сохранился до настоящего времени (остатки Якутского острога в Зауралье в революционные годы). В моменты напряженной опасности, когда неприятель проникал вглубь страны или возникала гражданская война, — в качестве укрепленных пунктов („городов“) выступали монастыри.⁵

¹) Непосредственно к западу от Москвы наибольшее значение имели укрепления Смоленска.

²) Московский кремль, вместе с прилегающими к нему укреплениями Москвы, находился как бы на смычке западной и южной линии укреплений. Он в равной степени обращен и против запада, и против юга.

³) Верхотурский кремль разобран в середине XIX века.

⁴) Отсутствием укреплений со стороны *севера* предлагал воспользоваться Генрих Штаден (стр. 249), в своем, представленном „римско“-германскому императору плане завоевания Московского государства со стороны Ледовитого Океана.

⁵) Укрепления некоторых монастырей создавались в том же порядке,

Кроме общеизвестной защиты Троицко-Сергиевской Лавры в Смутное время,—в качестве примеров, можно назвать защиту Тихвинского Большого монастыря от шведов в 1613 г., защиту Макарьевского Желтоводского монастыря (на Волге, к востоку от Нижнего) в 1670 г. от разиновского атамана Максима Осипова, защиту Далматова монастыря (в Зауралье, на р. Исети) в 1774 г. от пугачевцев и пр.— В допетровской царской России, из числа образований, существовавших в пределах государства, монастыри являлись, пожалуй, наиболее автономными (в отношении царской власти). Монастыри вели защиту в те моменты и в тех местах, где царской власти не существовало (случаи Троицко-Сергиевской Лавры в Смутное время, Макарьевского монастыря в 1670 г.); монастырь мог отстаивать себя силой оружия, в случае, если монастырские старцы не были согласны с решением высшей церковной и государственной власти (защита Соловецкого монастыря в 1668—1676 г. г.)... На протяжении волжско-окского междуречья, а также к северу от него [а отчасти и к югу, в т. ч. в левобережной Украине] можно назвать десятки монастырей, стены которых, относящиеся, по преимуществу, к XVII-му веку, являются весьма внушительными сооружениями...¹ В меньшем числе также XVI-ый век, с одной стороны, и XVIII-ый, с другой, оставили образцы подобных сооружений...

VI. Проникновение России в степь и пустыню

Разителен контраст между постоянной укрепленностью западной русской границы и перемежающимся существованием (и несуществованием) других укрепленных линий. Западная русская граница то продвигалась к западу, то отходила к востоку, но в любом своем положении оставалась укрепленной. В этом отношении особенно поучительна история укреплений Псковской земли, которой в течение четырех столетий (от XIII-го по XVII-ое) приходилось выносить на своих плечах дело защиты от натиска с запада. Непрерывный исторический ряд ведет в городе Пскове от Довмон-

в каком создавались пограничные кремли. Здесь, в особенности, нужно упомянуть стены Соловецкого монастыря (воздвигнуты в 1584 г. по плану инока Трифона) на северо-западной окраине и стены Печорского монастыря (к западу от Пскова) на западной границе. Оба укрепленных пункта неоднократно видели противника пред своими стенами. Целями системами монастырей — опорных пунктов были оаимлены укрепления таких городов, как Москва, Можайск, Коломна...

¹) Не случайно, нужно думать, то обстоятельство, что XVII-ое столетие, век „великих государей“ — патриархов Филарета и Никона был веком сооружения фундаментальных монастырско-крепостных оград: массивных стен Кирилло-Белоозерского монастыря (1633—1666), ограды Прилуцкого монастыря (около Вологды), стен Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале и других величественных памятников монастырского стено-строительства.

товой стены XIII в. (ядро псковских укреплений) к стенам „Большого города“, построенным в XV в., к земляным укреплениям, которые воздвигал у Пскова царь Петр в начале XVIII-го века.¹ В этом же ряду помещаются другие (отчасти упомянутые выше) кремли и древние крепости западного и северо-западного рубежа; находятся в этом ряду и прочие укрепления, которые соорудил Петр,² и Дрисский укрепленный лагерь, в котором одно время полагали защищаться от Наполеона, и те крепости, которые строились на западной границе при Николае I (Бобруйск, Киев, крепости Царства Польского и пр.), и те, которые воздвигались в конце XIX-го — начале XX века...³ Восточным аналогом постоянной укрепленности западно-русского рубежа является Великая китайская стена, на границе внутреннего Китая с Монголией (стена эта построена задолго до появления Руси на исторической сцене). На пространстве же между Великой китайской стеной и западной русской границей укрепленные линии то существовали, то не существовали вовсе. В Доуралье их не было до времен Владимира Св.; каждое из государств — соперников этого времени (Русь и хазары) могло надеяться на полное одоление, и едва ли нуждалось в оборонительных линиях.⁴ После появления печенегов „Владимир должен был строить целую систему укреплений, насыпать валы, рубить города“ (стр. 49). С этого времени начинается эпоха „противостепных“ (для защиты от печенегов, а затем от половцев) укрепленных линий. История их в особенности тесно связана с историей Переяславского княжества⁵ (в 1089 г. Переяславль был обнесен каменной стеною). По типу эти укрепленные линии должны были напоминать позднейшую (московскую) „засечную черту“ XVI-го—XVII-го века. Проходя, подобно последней, по лесостепи (в пределах которой находилось Переяславское княжество), укрепленные линии X—XIII веков опирались, в опре-

¹) В Северной войне, как известно, нападающей стороною являлся Петр.

²) Так, в 1700 г. в устье Сев. Двины была воздвигнута Новодвинская крепость (в 1701 г. эта крепость подверглась нападению шведов); после Нарвской битвы укреплялась Москва; в 1703 г. была, как известно, заложена позднейшая Петропавловская крепость в С.-Петербурге.

³) Период между Ништадским миром и третьим разделом Польши был временем относительно малой укрепленности западной границы. Военная слабость тогдашней Польши — позволяла уделять меньшее внимание укреплению польской границы. Серьезней, в качестве военного противника, была в то время Швеция. Это отражалось, между прочим, на состоянии „финляндских крепостей“ (Суворов, как известно из его биографии, был посылаем для производства инспекции этих крепостей). Положение изменилось, когда нашими соседями стали Австрия и Пруссия. Положение это привело к возникновению сплошной „огненной стены“ от Балтийского моря до Черного, той стены, которую знаем из истории войны 1914—1917 г. г.

⁴) Отметим, однако, оборонительные мероприятия хазар, направленные против печенегов (стр. 39). Этими усилиями хазар предвдварялись аналогичные мероприятия русских князей (см. ниже).

⁵) На юго-восток от Киева.

деленной части своего протяжения, на лесные массивы. Так, лесной массив по р. Трубежу прикрывал Переяславль с севера. Укрепленные линии Переяславского княжества относились к типу „укрепленных линий в пределах лесостепи“ (см. ниже). Первая эпоха существования русских противостепных укрепленных линий закончилась в XIII веке. В 1239 г. был разрушен Батыем (и на несколько веков сошел с исторической сцены) Переяславль. В 1260 г., по приказу Беркая, баскак Бурундай принудил Даниила Галицкого скрыть укрепления галицких городов.¹ Монгольская власть стерла укрепленные линии на прострaнстве от западной русской границы до Великой китайской стены, и самую китайскую стену сделала ненужной, т. к. подчинила своей власти также и внутренний Китай.² Это положение оставалось в силе более века. Великая китайская стена снова получила реальное значение, после изгнания монголов из Китая в 1368 году. В Доуралье иных укрепленных линий, кроме линии западной границы (главным образом, в новгородских и псковских пределах), не существовало и в XV веке. Мы указывали в предыдущем на геополитическое своеобразие того момента русской истории (княжение Ивана III), когда Московская Русь уже освободилась от татарского (золотоордынского) ига, но еще не должна была защищаться от татарских (крымских) набегов. Это была как бы „передышка“ между двумя нелегкими эпохами русской истории (татарского ига и крымских набегов).³ Мы говорили также о приступе к постройке укреплений в княжение Василия Ивановича. В это время начиналась вторая эпоха существования русских противостепных укрепленных линий (в качестве первой принимаем время X—XIII веков). Эта эпоха распадается на несколько периодов.

1. Период укрепленных линий в пределах лесостепи (XVI—XVII век). Сюда относится „засечная черта“ XVI века (стр. 144—145), Белгородская, Тамбовская и Симбирская черта XVII века, „Закамская“ черта того же времени, [шедшая от с. Белый Яр (на Волге, против Сингиля) к г. Мензелинску (на р. Ике)]; Сызранская черта 1684 г. — от р. Суры к селу Усолье (на Волге, в Жигулевских горах); черта, проведенная в самом конце XVII в. от основанного тогда же г. Петровска (позднейшей Саратов. губ.) к г. Воронежу (входившему в состав Белгородской черты) и т. д. Все эти „черты“ проходили по лесным местностям, перемежавшимся с „перепольянями“.⁴ Поляны укреплялись

¹) Видимо, направленные против степи (стр. 82).

²) Приблизительно одновременно со срытием галицких крепостей, князь Довмонт укрепил каменной стеною Псков, для защиты от немцев (1266 г.). Этим сопоставлением характеризуется отличительное для эпохи уничтожения внутри-евразийских линий, при дальнейшей укрепленности западно-русского рубежа (см. ниже).

³) Эпоха крымских набегов: 1512—1769.

⁴) Современные построению описания укрепленных черт являются цен-

особенно тщательно, здесь ставились сторджи, сооружались „тарасные валы“, помещались „надолбы“. Сызранская и Петровская черты (конец XVII века) проходили по южной окраине лесостепи.

И в этот период (XVI—XVII вв.) московская власть располагала отдельными „опорными пунктами“, находившимися в более южных пределах, чем пределы лесостепи. Эти опорные пункты располагались на значительных водных артериях. Как известно, с середины XVI века Москве принадлежала Астрахань, находящаяся в пределах пустыни (т. е. южнее не только луговой, но также ковыльной и полынной степи). Для Поволжья и Подонья можно назвать несколько подобных примеров.¹ Размещение укрепленных пунктов на водных артериях „предваряет“ общую эволюцию. Сюда относится построение Царевборисова (конец XVI века), в пределах ковыльной степи, недалеко от места впадения р. Оскола в Донец. Царевборисов опирался на артерию Оскола (по которому с севера сплавливались снаряжение и припасы)... В смутное время Царевборисов пришел в запустение.

II. *Период укрепленных линий в пределах ковыльной и полынной степи.* Засады теряют значение (лесов нет). Основным является устройство укреплений, форпостов, пикетов и „маяков“ на небольшом друг от друга расстоянии... Энергичное строительство укрепленных линий в пределах ковыльных и полынных степей Доуралья начинается в 1730-х годах (при Анне Ивановне). Это строительство предваряется устройством в 1720 г. *Иртышской* линии в Зауралье (вдоль течения Иртыша, между Усть-Каменогорском и Омском). Иртышская линия выходит из пределов лесостепи и проникает в более южные степи.² Устройство Иртышской линии представляет собою характерный случай „предварения эволюции“ укрепленными линиями вдоль водных путей. Сооруженные на несколько десятилетий позднее, вдали от крупных водных артерий, западно-сибирские укрепленные ли-

нейшим ботанико-географическим материалом (эти описания дают точное представление о распространении лесов и открытых пространств в рассматриваемую эпоху).

¹) Так, напр., еще в 1589 г. был построен Царицын (на Волге), в пределах ковыльно-полынной степи. В 1620-х — 1630-х годах строятся Черный Яр (на Волге) и Красный Яр (на Ахтубе) — в пределах пустыни. В тех местах нижнего Поволжья, где возможно степное земледелие, жители городов еще при Петре I „ничего сеять в полях и степях не смели“, за опасением внезапных набегов кочевников.

²) Иртышская линия была усилена в 1745-ом и затем снова в 1764 году. — Раннее устройство Иртышской линии, — в Донском бассейне значение важного укрепленного центра на южной окраине сплошного русского заселения перешло от Воронежа (который играл эту роль в конце XVII-го века), — расположенного в *лесостепи*, к „крепости на Осереде“ 1708 года (у места впадения р. Осереда в Дон), в пределах *степи ковыльной*. В данном случае, переход от XVII-го к XVIII-му веку весьма близко отвечает рубежу между периодами строительства укреплений: 1) в лесостепи и 2) в степи ковыльной.

нии 1737 и 1752 гг. проходили всё еще в пределах лесостепи. Обе, пересекая водоразделы, тянулись от Иртыша к Тоболу. Линия 1737 г. окаймляла северные пределы ишимских степей; линия 1752 г. (т. н. „горькая“) пролегла по прямой, (сопадавшей приблизительно с 55° сев. широты) от Омска на Иртыше к станции Звериноголовской на Тоболе. — В Доуралье при Анне Ивановне и позднее были сооружены нижеследующие укрепленные линии, углублявшиеся в ковыльную (а отчасти и в полынную) степь: 1) Украинская линия (стр. 208), 2) линия от Царицына (на Волге) к Дону (1731 г.; устроена одновременно с основанием особого Волжского казачьего войска; это последнее расформировано после Пугачевского бунта), 3) грандиозная система укрепленных линий, центрировавшихся на Оренбург, сооруженная в 1734—44 гг. начальниками Уральского края Кирилловым, Татищевым и Неплюевым (стр. 221). Еще в 1732 г. была проложена „Новая Закамская линия“ (взамен старой Закамской, к юго-востоку от последней), шедшая от Самары на Алексеевск (на р. Самаре) к Красноярской крепости, Сергиевску (на р. Соке) и далее к Новошешминску (на старой Закамской черте, к западу от Мензелинска). Линия эта пролегла отчасти в пределах луговой степи (лесостепи), отчасти же по границе между луговой и ковыльной степью. В Самаре она связывалась с „Оренбургской“ системой укрепленных линий, пересекавшей, по большей части, ковыльную и полынную степь. По нижнему Яику „нижняицкая дистанция“ проникала в пределы *пустыни*. Здесь мы опять встречаемся с „предварением эволюции“, которое связано с тем, что укрепленная линия проложена вдоль водной артерии. В местах удаленных от значительных водных путей даже 4) линия кордонов, сооруженная в 1787 г. ген.-поручиком Чертковым от г. Камышина (на Волге) к р. Уралу (Яику), с крепостью в урочище Узенях (позднейший Новоузенск), проходила *по рубежу* пустыни, не углубляясь в нее. Кордоны на этой линии содержались до 1830-х годов. 5) Еще в 1837 г., пред началом большого „казацкого“ (киргизского) восстания 1840-х годов, в Зауралье сооружались пикеты между Кокчетавом и Акмолинском, в пределах всё той же ковыльно-попынной степи.¹

III. наконец, в 1840-х г. г., вместе с подавлением киргизского („казацкого“) восстания, руководимого султаном Кенесары (убит в 1847 г.), наступил третий период, *период укрепления линий в пределах пустыни*. В течение 1841—47 г. г. в Казакстане русскою властью было построено немало укрепленных пунктов. Некоторые из этих пунктов, вместе с подходившими к ним линиями пикетов, находились уже в пределах пустыни (напр.,

¹) Перед тем обширные территории в гористой части Киргизского края („Казакстана“) были заняты учрежденным в 1808 г. сибирским казачьим „линейным“ войском. В 1820-х годах были основаны позднейшие Акмолинск, Баян-Аул, Кокчетав, Каркаралинск (все в пределах ковыльно-попынной степи).

основанный в 1845 г. Иргиз, первоначально „Уральское укрепление“). В 1847 г. русские вышли в низовья Сыр-Дарьи (постройка Раимского укрепления). После взятия ряда кокандских крепостей, в 1850-х годах была устроена „Сыр-Дарьинская линия“. В то же время русские проникли в Семиречье и выдвинули свои укрепления к подножиям Тянь-Шаня. Попытка „сожнуть“ Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую линии (стр. 223) привела к завоеванию Туркестана (1860^е—1880^е годы). И вместо „смычки“ двух укрепленных линий, — получилось исчезновение всяких вообще укрепленных линий на всем пространстве от западной границы до китайской и от Ледовитого океана до предгорий Гиндукуша. То, что осуществили монголы в XIII в. (и чего, в частности, добился Беркай, заставив Даниила Галицкого срыть укрепления) — уничтожение укрепленных линий на всем пространстве евразийских пустынь и степей и в прилегающих к ним странах, это вновь, после многовекового перерыва, осуществила императорская русская власть к концу XIX-го века. Таким образом, в течение последнего тысячелетия, укрепленность западной русской границы является признаком постоянным. На пространстве же между западной границей и китайской стеной существование и несуществование укрепленных линий сменяют друг друга в перемежающейся ритмике: I. до времен Владимира Святого укрепленных линий не существует, II. время от конца X-го по XIII-ий век есть эпоха существования противоположных укрепленных линий, III. время от XIII-го по начало XVI-го века есть эпоха отсутствия таких линий (монгольское владычество), IV. с начала XVI-го века по конец XIX-го продолжается новая эпоха строительства укрепленных линий, V. она сменяется исчезновением этих линий в конце XIX-го века.¹ Наши наблюдения можно выразить в иных терминах. Постоянно укрепленные: западная граница и китайская стена — означают собою границы исторического мира (Евразии). Укрепленные линии, то появляющиеся, то исчезающие, должны быть определены, как внутри-евразийские линии.² Разъединение сменяется здесь объединительным процессом (исчезновением укрепленных линий).³ История этих линий — одно из

¹) Укрепленные линии снова появились в годы гражданской войны (напр., Перекопские укрепления). Это явление оказалось преходящим.

²) Эпохам несуществования внутри-евразийских укрепленных линий отвечает, с большим или меньшим приближением, состояние *таможенного единства Евразии*. Эпохам существования этих линий соответствует *таможенная раздробленность*. Предваряя последующие работы, хотим отметить, что рассматриваемые в этих страницах факторы имеют значение и в *экономической жизни*.

³) Евразийскому миру свойствен особый тип оборонительных компаний („скифская война“) [ср. „Евразийский Временник“, кн. V, стр. 76]. В этом смысле история похода на Украину Карла XII, так же, как история 1812 года, да, пожалуй, и некоторые события 1918—20 гг. (немцы в Ростове и поляки в Киеве) предваряются историей похода Кира персидского на массагетов,

выражений *периодической ритмики государствообразующего процесса Евразии* (стр. 16).¹

В частности, в течение русской истории мы замечаем две обособленных эпохи существования противостепных укрепленных линий: X—XIII в. в. и века XVI-ый—XIX-ый. Примечательно, насколько различны финалы этих эпох. Первая заканчивается уничтожением укрепленных линий, в силу покорения Руси степняками. Вторая завершается исчезновением этих линий, в силу подчинения степняков России. Видимо, Россия XVI—XIX-го веков существенно отлична от Руси X—XIII века. Одно из важнейших отличий заключается в том, что Россия XVI—XIX веков есть Русь, прошедшая татарскую школу...²

Конкретные наблюдения над историей русских укрепленных линий в XVI—XIX вв. вкратце могут быть сведены к ниже следующей схеме:

- I. XVI—XVII век: период укрепленных линий в пределах *лесостепи*
- II. XVIII-ый — первая половина XIX-го в.: " " " " *ковыльной и полевой степи*
- III. середина XIX-го в.: " " " " *пустыни*³

Приведенная схема обнимает историю укрепленных линий в пределах евразийских низменностей - равнин и невысоких горных стран, отделяющих эти равнины друг от друга (Урал и горная страна восточного „Казакстана“). Особую группу составляют русские укрепленные линии, охватывающие горные местности на периферии Евразии. Целью устройства таких линий являлось „замирение“ гор. Строительство это получило особое развитие в XVIII-ом и первой половине XIX-го века, когда русское расширение подошло вплотную к крупным горным мас-

Дария Гистаспа на скифов, персидского царя (Сасанида) Фируза на гунов эфталитов и Витовта на татар (1399 г.)...

¹) Приведенному наблюдению не противоречит *подвижность* западной русской границы. Не бывает „абсолютных“ и неподвижных границ.

²) На основании всего изложенного в предыдущих страницах, отношение Русь — России к истории монголо-татарских держав можно свести к ниже следующим моментам:

I. в течение двух веков значительная часть русского племени находится *под властью* Золотоордынской державы;

II. в следующие века русское государство представляет собою *одно из царств — наследников Золотой Орды* и принадлежит, по преимуществу, к той системе государств, которая образовалась в результате распада Золотоордынской державы;

III. к XIX-му веку Россия воспроизводит и восстанавливает (в геополитическом смысле) Золотоордынскую державу XIII—XIV веков (а отчасти и Великую Монгольскую Державу этого времени). Так, принадлежность к золотоордынской геополитической системе и сопряженность с нею красной нитью проходит в русской истории последних столетий. В этом смысле, значение Золотоордынской державы в русской истории не меньше значения империи Карла Великого в истории европейской.

³) При рассмотрении этой схемы нужно иметь в виду указанные выше случаи „запаздывания“ и „предварения“ эволюции.

сивам Кавказа и Алтая.² Аналогом кавказских „линий“ XVIII—XIX веков является укрепленная линия в предгорьях Алтая, тянувшаяся от Усть Каменогорска на Иртыше (где она смыкалась с Иртышской линией) до г. Кузнецка на р. Томи. Эта линия была заложена в 1759 г. и перестроена в 1764 г. Линии этого рода исчезли в третьей четверти XIX-го века, вместе с „замирением“ Кавказа (Алтай был „замирен“ значительно ранее)...

VII. Единство Евразии

Евразия, как географический мир, как бы „предсоздана“ для образования единого государства. Но только в конкретном историческом процессе реализуется это единство.

К концу XIX века завершился (в основных чертах) процесс создания России — Евразии, как геополитического единства. Чисто географической стороне процесса имеются прообразы в прошлом (см. выше). Была бы несостоятельной попытка свести *культурное* содержание процесса к каким бы то ни было известным в истории образцам. В культурном смысле, геополитическое единство Евразии обосновывается и единственно

²) История кавказских укрепленных линий, обнимающая период более столетия, отличается немалым своеобразием и сложностью. Горный Кавказ можно сравнивать с крепостью; кавказские укрепленные линии — с рядами окопов, всё теснее схватывавших осажденную крепость. Если на евразийских низменностях-равнинах русские укрепленные линии продвигались от пределов лесной зоны в глубину степи и пустыни, то на Кавказе (в частности, на северном Кавказе) направление было обратным: из пустыни и степи — к пределам лесной (предгорной и горной) зоны. Опорные пункты терских и гребенских казаков, в первые два века их пребывания на северо-восточном Кавказе, располагались, по преимуществу, в пределах пустыни (на Каспии), а также полевой и ковыльной степи по нижнему Тереку и нижней Сундже [есть, впрочем, указания о *временном* нахождение некоторых казачьих селений (в XVII в.) в пределах чеченских лесистых предгорий]. В пустынно-степных местах находились первые крепости, построенные русским правительством (Св. Крест на Сулаке, 1722, Кизляр на Тереке, 1735). Построение Моздока в кабардинских пределах (1763) означало первый шаг вглубь страны. Линия укреплений между Моздоком и поселениями гребенских казаков (у места впадения Сунджи в Терек) была первою (на Кавказе) русскою укрепленною „линией“, в точном смысле этого слова (1770). Вслед за тем (1777) была устроена Азовско-моздокская „военная линия“ — соединявшая рядом укреплений средней Терек (через Ставрополь) с нижним Доном [тем самым, ногайцы, подданные крымского хана, незадолго перед тем пришедшие в приазовские степи из Бессарабии, были изолированы от своих восточных соседей; после присоединения Крыма, ногайцы были частью истреблены, частью переселены в более западные степи]. Моздокская линия (по среднему Тереку) проходила в пределах полевой и ковыльной степи; Азовско-моздокская (за исключением небольшого отрезка „островной“ Ставропольской лесостепи) пролегла по степи ковыльной. Обе линии помещаются в рамках предложенной выше схемы: XVIII век — период укрепленных линий в пределах ковыльной и полевой степи. Но это только исходный пункт. Линия укреплений, сооруженная Суворовым по нижнему течению р. Кубани (от места впадения р. Лябы до устья), проходила по границе между ковыльной степью (с севера) и луговой степью или лесостепью (с юга). В конце

может быть обосновано в принципах и формах, применительных к условиям *этого* времени. В последние годы Россия — Евразия вступила в полосу „мутации“ (существенного изменения ряда признаков и свойств). Все исторические ценности и все принятые взгляды подвергаются пересмотру и переоценке. Одни отпадают, другие получают новообоснование. Нарождается новое. „Мутация“ еще не завершилась. И нет сомнения, что создающееся включит в себя (в преобразованном и обновленном виде) многое „старое“. „Мутация“ не порывает преемственной (генетической) линии, не разрушает традиции. Она только видоизменяет ее. И потому, как было в прошлом, так остается и в настоящем: ключ к пониманию современности, в значительной степени, лежит — в *познании историческом*. Этим определяется жизненный интерес изучения как внешней рамки, так и внутренних движущих сил исторического процесса России — Евразии.

П. Савицкий

6 IX 1927

XVIII-го — начале XIX-го в., все части северо-кавказской укрепленной линии, на всем протяжении от Черного моря до Каспийского, постепенно были перенесены в область *этого* ботанико-географического рубежа. Линия, устроенная Гудовичем в 1790-х годах, от позднейшей станции Усть-Лабинской до Баталашинска пролегла вдоль течения Кубани. Между тем, при продвижении с севера на юг, именно здесь — *южнее Кубани* — начинают попадаться „степные леса“... Приблизительно совпадала с границей между ковыльной степью и лесостепью, а отчасти и углубляясь в лесостепь укрепленная линия на рубежах Кабарды и Чечни, сооруженная Ермоловым (1818—1822) вдоль Терека (ниже Владикавкази), Сунджи (г. Грозный) и далее на восток к крепости „Внезапной“ (на р. Актэш). Это была вторая линия на подступах к Чечне (первой была Моздокская линия, по среднему Тереку). Быть может, никогда в русской истории организация „укрепленной черты“ не получала столь определенной и законченной формы, как именно в названных кавказских линиях. Третьей „параллелью“ на подступах к Чечне являлась линия фортов: Воздвиженское — Ачхой (1844—1846), *отвечавшая границе между лесостепной и лесной (горной и предгорной) зоной Чечни*. В этих местах была выстроена и еще одна „линия“, пролежавшая, однако, не *вдоль* ботанико-географических рубежей, как названные черты, но *поперек* ботанических границ. Эта линия укреплений углублялась в пределы чеченской лесной области, пересекала ее (в ее географическом простирании) под прямым углом и достигала пределов высокогорной области. Мы говорим о линии укреплений, построенных ген. Евдокимовым в 1858 г., вдоль течения р. Аргуни. Сооружением этой линии было завершено покорение Чечни. Нужно отметить приемы „лесной войны“, которыми пользовались чеченцы. Грандиозные буки служили импровизированными башнями — фортами (в чеченских лесах буки достигают высоты в 40 саж. и 5 саж. в обхвате). Широко применялись засеки (ср. рассказы о неудаче экспедиций Граббе, Воронцова и др. в 1840-х годах). — С юга восточно-кавказская горная страна (владения Шамиля) окаймлялась (с 1844 г.) „Лезгинской линией“. Эта линия простиралась на 200 верст к северо-западу от г. Нухи (в Закавказье), вдоль южного подножья главного хребта. Ботанико-географически, это — область кахетинских лесов. Перед линией (за хребтом) — безлесные „горно-степные“ пространства внутреннего Дагестана. В тылу — возвышенные степи южной Кахетии...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стран.
Предисловие	3
Введение	5—23
§ 1. Русский народ и его место в истории (5). § 2. Евразия, как географическая основа развития русского народа (7). § 3. Евразия, как месторазвитие (9). § 4. История России и история Евразии (12). § 5. Создание Евразийского государства (13). § 6. Монголы и Византия в русской истории (17). § 7. Внутренний строй Евразийского государства (17). § 8. Евразийское самосознание (19). § 9. Духовная основа истории русского народа (20). § 10. Деление русской истории на периоды (20).	

Первый период. Попытки объединения леса и степи (до 972 г.)

Глава I. Западная Евразия до распада гуннского царства (до конца V в.)	24—29
§ 11. Роль кочевых народов в истории (24). § 12. Скифы и сарматы (25). § 13. Готы и гунны (27). § 14. Финны (28). § 15. Славяне (28).	
Глава II. Восточные славяне в эпоху аварской и хазарской империй (VI—IX в.в.)	29—34
§ 16. Восточные (или русские) славяне (29). § 17. Авары (30). § 18. Хазары (31). § 19. Расселение восточных славян (33).	
Глава III. Варяго-русское государство IX—X в.в.	34—42
§ 20. Варяги (34). § 21. Олег (36). § 22. Кимские болгары (38). § 23. Игорь и Ольга (39). § 24. Святослав (40).	

Второй период. Борьба леса и степи (972—1238)

Предварительные замечания	43—47
§ 25. Пространство, занимаемое русским народом с конца X века по время монгольского нашествия (43). § 26. Церковная и государственная организация русских земель (44). § 27. Сожители и соседи русского народа (45).	
Глава IV. Владимир и Ярослав	48—54
§ 28. Владимир Святой (48). § 29. Крещение Руси (50). § 30. Ярослав Мудрый (52). § 31. Внутренняя деятельность Ярослава (53).	
Глава V. От смерти Ярослава до нашествия монголов (1054—1238)	54—66
§ 32. Сыновья и внуки Ярослава (54). § 33. Днепровская Русь в XII—XIII в.в. (57). § 34. Господин Великий Новгород (58). § 35. Владимиро-Суздальское княжество (60). § 36. Галицко-Волынская Земля (62). § 37. Междукняжеские отношения и внешние опасности первой трети XIII в. (63).	

Третий период. Победа степи над лесом (1238—1452)

- Предварительные замечания 67—70
- § 38. Русский народ и пространство, им занимаемое в XIII—XV в. в. (67). § 39. Церковная и государственная организация (68). § 40. Сожители и соседи русского народа (69).
- Глава VI. Монгольское завоевание 71—76
- § 41. Образование монгольской империи (71). § 42. Битва при Калке (73). § 43. Батыев поход 1237—38 г. г. (73). § 44. Батыев поход 1240—1242 гг. (75). § 45. Итоги монгольских завоеваний к середине XIII в. (76).
- Глава VII. Монгольское иго (1238—1359) . . . 77—92
- § 46. Русь от смерти Вел. Хана Угедея до смерти Вел. Хана Меньке (77). § 47. Русь при золотоордынском царе Беркае (81). § 48. Русь во времена темника Ногая (83). § 49. Время единовластия Тохты в Золотой Орде (85). § 50. Время царствования Узбека в Золотой Орде (86). § 51. Литва при Гедимине (89). § 52. Русь от смерти Узбека до „великой зяматни“ в Орде (90).
- Глава VIII. Падение монгольской власти (1359—1452) 92—111
- § 53. Дмитрий Донской и Куликово Поле (92). § 54. Тохтамыш и Тимур (96). § 55. Династическая уния Польши и Литвы (100). § 56. Витовт и битва на Ворскле (101). § 57. Витовт после битвы на Ворскле (102). § 58. Москва и Литва в 1430-х и 1440-х г. г. (105). § 59. Конец татарского ига (108).

Четвертый период. Победа леса над степью (1452—1696)

- Предварительные замечания 112—117
- § 60. Пространство, занимаемое русским народом (112). § 61. Церковная и государственная организации (113). § 62. Сожители и соседи русского народа (115). § 63. Международное положение Москвы (116).
- Глава IX. Москва и Литва во вторую половину XV-го и первую треть XVI-го века (1452—1533) 117—129
- § 64. Великий князь Иван III (117). § 65. София Палеолог (119). § 66. Отношение московского государства к мусульманским миром от Ахматова нашествия 1472 г. до конца княжения Ивана III (121). § 67. Северно-русская политика Ивана III во вторую половину его княжения (123). § 68. Борьба Москвы с Литвою во вторую половину княжения Ивана III (124). § 69. Время вел. кн. Василия Ивановича (125). § 70. Сношения Ивана III и Василия Ивановича с православным миром (128).
- Глава X. Москва и Литва в XVI в. (1533—1605) 129—153
- § 71. Детство и отрочество Ивана Грозного (129). § 72. Венчание на царство Ивана Грозного (130). § 73. Взятие Казани и Астрахани (132). § 74. Казаки (136). § 75. Опричнина (137). § 76. Люблинская уния (139). § 77. Ливонская

война и конец царствования Ивана Грозного (142). § 78. Засечная черта (144). § 79. Прикрепление крестьян (145). § 80. Царь Федор Иванович (146). § 81. Учреждение патриаршества в России (148). § 82. Берестейская уния (150). § 83. Борис Годунов (152).

Глава XI. Смута и восстановление государственного порядка на Москве (1605—1645) 153—167

§ 84. Смута: первый самозванец (153). § 85. Смута: Василий Шуйский и второй Лжедмитрий (154). § 86. Смута: поляки в Москве (157). § 87. Нижегородское ополчение (158). § 88. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова (159). § 89. Патриарх Филарет и организация порядка после смуты (160). § 90. Внешняя политика Москвы в первой половине XVII в. (162). § 91. Юго-Западная Русь в первой половине XVII в. (165).

Глава XII. Царство всея Великия и Малыя и Белыя России (1645—1696 г.) 167—183

§ 92. Богдан Хмельницкий и присоединение Малой России (167). § 93. Царь Алексей Михайлович (169). § 94. Внешняя политика ц. Алексея Михайловича до 1667 г. (170). § 95. Патриарх Никон (173). § 96. Падение патриарха Никона и раскол старообрядчества (176). § 97. Бунт Стеньки Разина (178). § 98. Внешняя политика России в последнюю треть XVIII в. (1667—1696) (179). § 99. Греческое и западное культурное влияние во второй половине XVII в. (182).

Пятый период. Об'единение леса и степи (1696—1917)

Глава XIII. Петр Великий 184—194

§ 100. Внешняя политика Петра от влятия Азова до Гангудской победы (184). § 101. Петр Великий и его программа (188). § 102. Армия в политике Петра (191). § 103. Внешняя политика Петра после Гангуда (192).

Глава XIV. Российская Империя XVIII—XX в. в. Черты внутреннего строя и политического быта 195—203

§ 104. Отношение императорской власти к религии и церкви (195). § 105. Императорская власть. — Дворянство и крестьянский вопрос (198).

Глава XV. Российская Империя XVIII—XX в. в. Черты внешней политики и территориального расширения 203—231

§ 106. Общий характер русской внешней политики XVIII—XX в. в. (203). § 107. Западная Русь. — Польский вопрос (205). § 108. Черноморье. — Турецкие войны XVIII в. (208). § 109. Черноморье. — Адриатическая политика Павла I и Александра I (211). § 110. Россия, Турция и Балканы в XIX в. (213). § 111. Персия и Кавказ (218). § 112. Средний Восток. Киргизский край в XVIII в. (219). § 113. Средний Восток. — Киргизский край и Туркестан XIX в. (222). § 114. Сибирь, Дальний Восток

и Русская Америка (225). § 115. Единство русского народа. —
 Заключительные замечания (229). § 116. Русский народ и Рос-
 сия-Евразия (230).

Библиографические указания 232—233

**Приложение: Геополитические заметки по рус-
 ской истории П. Н. Савицкого 234—260**

I. Джучиев улус и Россия (234). II. Русь и Литва (240). III. Русь
 и держава Тимура (243). IV. Царства — наследники Золотой
 Орды (244). V. Защита Руси от степи и Запада (249). VI. Про-
 никновение России в степь и пустыню (252). VII. Единство
 Евразии (259).

О пользовании приложенными картами

При чтении первых двух глав этой книги (стр. 24—34) удобней всего иметь
 пред глазами карту „Икумены в VII—IX вв.“ При чтении последующих
 глав (до двенадцатой включительно) помощь может оказать карта „Мон-
 гольских Империй XIII—XV вв.“ Карта „распространения Русского госу-
 дарства в XVIII—XIX вв.“ посвящена геополитической стороне истории
 этих столетий (глава XV-ая). В некоторых случаях эта карта может ока-
 заться полезной также при чтении предшествующих глав. Этой же картой,
 а также картой „Монгольских Империй“ можно пользоваться при ознаком-
 лении с „Геополитическими заметками по русской истории“ П. Н. Савицкого.
 Только *детальное* ознакомление с содержанием стр. 251—257 требует более
 подробной карты (характера карт „Большого Атласа“).

КАТАЛОГ КНИГ

Евразийского Книгоиздательства

ЕВРАЗИЙСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО, основанное в 1923 г. — облуживает евразийское движение.

Движение это целиком определено задачами и проблемами новой России, а также осознанием современного кризиса европейской культуры. Ставя перед собой историко-софскую проблему России и Европы, евразийство видит в России особый культурный — евразийский мир, мир раскрывающейся православной культуры, (равно отличной от европейской и азиатских), центральное и руководящее значение которой евразийство видит в будущей уже начавшейся исторической эпохе.

Исходя из факта — из той России, которая выходит из революции, евразийство выделяет и раскрывает те стороны русской современности, которые обращены в будущее и развитию их хочет всемерно содействовать. Во имя новой России-Евразии, новой русской культуры и мощи и новой руководящей идеологии, евразийство ведет решительную борьбу и с коммунизмом и с дореволюционными идеалами реставраторов, сочетая в себе традиции подлинно исторического русского охранения с подвижностью и практичностью современного политического действия. Органические основы культуры и государственности, разложение Европы, евразийско-русский культурный мир, Церковь и государство, смысл русской революции, преодоление революции, будущее устройство России — вот основной круг интересов и проблем евразийства.

Долл.

ИСХОД К ВОСТОКУ. Предчувствия и Свершения. Утверждение Евразийцев (распродано)

НА ПУТЯХ. Утверждение Евразийцев. Книга Вторая. Содержание: П. Савицкий — „Два Мира“; А. Карташев — „Реформа, реформация и исполнение Церкви“; П. Сувчинский — „Вечный Устой“, „Знамение былого“ (О Лескове); „Типы творчества“ (памяти Блока); кн. Н. С. Трубецкой — „Религии Индии и Христианство“; Г. В. Флоровский — „О патриотизме праведном и греховном“; кн. Н. С. Трубецкой — „Русская Проблема“; П. М. Бицилли — „Восток и Запад в истории старого света“; П. Савицкий — „Степь и Оседлость“. Изд. 1922 года. 356 стр. 1.25

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК. Книга Третья. Содержание: П. Савицкий — „Подданство идеи“; кн. Н. С. Трубецкой — „У дверей (Реакция? Революция?)“; П. Сувчинский — „К преодолению революции“; Н. Арсеньев — „Живые камни“; М. Шахматов — „Подвиг власти“; П. Сувчинский — „Инобытие русской религиозности“; кн. Н. Трубецкой — „Вавилонская башня и смещение языков“; П. Савицкий — „Производительные силы России“; Я. Садовский — „Оппонентам евразийства“. Изд. 1923 г. 174 стр. 0.70

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК. Книга Четвертая. Содержание: П. Савицкий — „Евразийство“; П. Сувчинский — „Идеи и методы“; кн. Н. Трубецкой — „Мы и другие“; Л. Карсавин — „Уроки отреченной веры“; В. Ильин — „Столб злобы богопротивной“; В. Сеземан — „Сократ и проблема самопознания“; М. Шахматов — „Государство правды“; В. Ильин — „К взаимоотношению права и нравственности“; Г. Вернадский — „Два подвига Св. Александра Невского“; Кн. Д. Святополк-Мирский — „О Московской литературе

- и протопопе Аввакуме"; кн. Н. Трубецкой — "О туранском элементе в русской культуре"; Я. Садовский — "Из дневника Евразийца"; П. Савицкий — "Хозяин и хозяйство". Изд. 1925 г. 445 стр. . . . 1.25
- ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК. Книга Пятая. Содержание: Вступление; П. П. Сувчинский. — "К познанию современности"; Л. П. Карсавин. — "Феноменология революции"; В. П. Никитин. — "Иран, Туран и Россия"; С. Г. Пушкирев. — "Россия и Европа в их историческом прошлом"; Г. В. Вернадский. — "Монгольское иго в русской истории"; кн. Н. С. Трубецкой. — "К украинской проблеме"; Л. П. Карсавин. — "Основы политики"; Н. Н. Алексеев. — "Советский федерализм"; С. Л. Франк. — "Собственность и социализм"; П. Н. Савицкий. — "К вопросу о государственном и частном начале промышленности." Изд. 1927 г. 308 стр. (Нов. орфограф.) 1.25
- Кн. Н. С. ТРУБЕЦКОЙ — ЕВРОПА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. Изд. 1920 г. (Распродано).
- РОССИЯ И ЛАТИНСТВО. Сборник статей. Содержание: П. Савицкий — "Россия и Латинство"; П. Сувчинский — "Страсти и Опасность"; П. Бицилли — "Католичество и Римская Церковь"; Г. Вернадский — "Соединение Церквей в исторической действительности"; кн. Н. Трубецкой — "Соблазны Единения"; А. Карташев — "Пути единения"; Г. Флоровский — "Два Завета"; В. Ильин — "К проблеме литургии в Православии и Католицизме". Изд. 1923 г. 219 стр. . . 0.50
- А. С. ХОМЯКОВ. О церкви. (С примечаниями и предисловием Л. П. Карсавина). Изд. 1926 г. 89 стр. 0.45
- С. Л. ФРАНК. Религия и Наука. Изд. 1925 г. 24 стр. (Нов. орфограф.) 0.25
- И. Р. — Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Изд. 1925 г. 60 стр. (Нов. орфограф.) 0.45
- Л. П. КАРСАВИН. О сомнении, науке и вере. Три беседы. Изд. 1925 г. 32 стр. (Нов. орфограф.) 0.25
- С. Л. ФРАНК. — Основы Марксизма. Изд. 1926 года. 50 стр. (Нов. орфограф.) 0.25
- КОМПЛЕКТОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ. Изд. 1926 г. 78 стр. . . 0.45
- ЕВРАЗИЙСТВО (Опыт систематического изложения). Изд. 1926 г. 74 стр. (Нов. орфограф.) 0.30
- ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА. Выпуск VI. Изд. 1926 года. 50 стр. . . 0.25
- Выпуск VII. Изд. 1927 г. 64 стр. (Нов. орфограф.) 0.25
- Выпуск VIII. Изд. 1927 г. 86 стр. (Нов. орфограф.) 0.25
- П. САВИЦКИЙ. — Россия — особый географический мир. Изд. 1927 г. 68 стр. (Нов. орфограф.) 0.35
- Н. Н. АЛЕКСЕЕВ. — На путях к будущей России. Изд. 1927 г. 78 стр. (Нов. орфограф.) 0.45
- Кн. Н. С. ТРУБЕЦКОЙ — К проблеме русского самопознания (Собрание статей). Изд. 1927 г. 94 стр. + таблица. (Нов. орфограф.) . 0.45
- Л. П. КАРСАВИН. — Церковь, личность и государство. Изд. 1927 г. 30 стр. (Нов. орфограф.) 0.10
- П. Н. САВИЦКИЙ. — Географические особенности России, часть I-я: Растительность и почвы. Изд. 1927 г. 177 стр. + карта + таблицы (Нов. орфограф.) 1.50

Книгопродавцам — обычная скидка.

Требования и заказы направлять по адресу:

Edition „Eurasie“, 10, rue Paul Bert, Clamart, Seine, France.

